

ВЕСТНИК

государственного
университета
«Дубна»

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

#1 2018

Электронный
научный
журнал

Тема номера:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПРАВЕ

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенкова Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук

Шатуновский И.Б., доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, научный руководитель кафедры лингвистики

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии

Михайлова Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории права

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии

Марченко Т.А., доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы

Ответственный редактор номера –

Н.В.Михайлова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, зав. кафедрой теории права государственного университета «Дубна».

В оформлении обложки использован фрагмент Троицкого списка Русской Правды Пространной редакции, входящего в состав сборника «Мерило Праведное». XIV век. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры.

Содержание

Тема номера: «Традиции и новации в праве»

Проблемы правового регулирования частных правоотношений

<i>Михайлов Ф.Н., Васин В.Н.</i> Рецепция норм договорного права в наследственные правоотношения.....	4
<i>Васин В.Н., Васин В.В.</i> Договорный элемент в корпоративных отношениях.....	10
<i>Бунина С.Г.</i> Развитие юридической ответственности за нарушение прав потребителей в российском законодательстве.....	18
<i>Бусыгин А.А., Желтов О.Б.</i> Пути совершенствования процедуры реструктуризации долгов граждан - заемщиков банков (историко-правовой аспект).....	26
<i>Марьин Е.В.</i> Правовое обеспечение арендной платы за землю.....	34

Современные подходы к регулированию уголовно-правовых отношений

<i>Малиновский И.Б., Сурикова Д. С.</i> Уголовно-правовые средства противодействия проявлениям терроризма.....	44
<i>Малиновский И.Б.</i> Реализация антикоррупционной политики в современных условиях.....	51
<i>Рябиков А.М., Глушков А.И.</i> К вопросу об особенностях субъективной стороны должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов РФ.....	61
<i>Глушков А.И.</i> Особенности реализации института свидетельского иммунитета в российском уголовно-процессуальном праве.....	71
<i>Головко Н.В.</i> Институт необходимой обороны в российском уголовном праве: вопросы реализации.....	80

Страницы истории государства и права

<i>Михайлова Н.В., Ф.Н. Михайлов.</i> Некоторые аспекты становления взаимодействия субъектов публичного и частного права в средневековой Руси XII-XV вв.	87
<i>Суворов А.И.</i> Исторический опыт профилактики государственных преступлений в дореволюционной России.....	94
<i>Краснов А.Б.</i> Некоторые особенности государственно-правового регулирования концессий в период подготовки и реализации НЭП.....	105

Проблемы правового регулирования частных правоотношений

УДК 347.6

Ф.Н. Михайлов, В.Н. Васин

Рецепция норм договорного права в наследственные правоотношения

Аннотация:

Нормы договорного права имеют тенденцию к широкому распространению. Договорные соглашения стали элементами наследственных правоотношений. Появились совместные завещания супругов, наследственный договор между наследодателем и наследниками.

Ключевые слова: Наследство, наследственная масса, наследодатель, наследники, завещание, договор.

Об авторах: Михайлов Филипп Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой гражданского права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: filmix68@mail.ru

Васин Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры гражданского права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: reckord@mail.ru

Одним из последних нововведений в гражданское законодательство являются нормы наследственного права о совместном завещании супругов и наследственном договоре [4]. Теперь отношения между наследодателем и наследником могут строиться не только на завещании или законе, но и на основании наследственного договора.

До принятия Федерального закона РФ от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ завещания на случай смерти наследодателя можно было составлять исключительно индивидуально в отношении принадлежащего на праве частной собственности гражданина имущества. Что же касалось супругов, то они были не вправе обоюдным актом определить юридическую судьбу принадлежащего им на праве общей совместной собственности имущества. Для того, чтобы распорядиться таким имуществом, супруги вынуждены были вначале

осуществить раздел этого материального лага. И только после выделения из общей массы конкретной части каждый из супругов мог распорядиться принадлежащей ему долей путем составления завещания [2, с. 82-93; 3, с. 65-66, 87-88].

Описанная процедура в определенной мере напоминает договор дарения, хотя существенно отличается от него. В договоре дарителями могут выступать одновременно два и более лиц, а завещание предусматривает волеизъявление одного лица, что является односторонней сделкой. Объединяет завещание и договор дарения безвозмездность передачи материального блага.

Теперь же граждане, состоящие в браке к моменту общего волеизъявления, могут составлять общее совместное завещание. Ознакомление с данной правовой новеллой вызывает некоторое удивление, поскольку смерть одновременно обоих супругов происходит довольно редко. Какой смысл имеет совместное завещание при неодновременной смерти супругов? Сразу возникает масса вопросов юридического и практического характера. Значит ли, что при наличии совместного завещания переживший супруг после ухода из жизни второго супруга не станет наследником? Каким образом наследники, указанные в совместном завещании, смогут вступить в наследство, если второй наследодатель еще жив? Каким образом будет строиться взаимосвязь между совместным завещанием и наследственным договором? Как устранить разногласия, содержащиеся в упомянутых документах? Как видим, вопросов применения совместного завещания становится все больше, а ответов, к сожалению, не так много.

Как отмечается в ч. 2 п. 4 ст. 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), наследодатели могут определить последствия перехода наследственной массы после смерти каждого из них или одновременной смерти их обоих.

При этом завещается и общее совместно нажитое имущество целиком, и имущество, принадлежащее каждому из них. Круг наследников в таком случае закон не ограничивает. В такого рода завещаниях закон позволяет зафиксировать имущественные доли наследников, а равно лишить наследства одного, нескольких или всех наследников. В завещание, составленное супругами совместно, могут включаться разнообразные завещательные распоряжения (например, завещательный отказ), не противоречащие закону.

При составлении совместного завещания необходимо учитывать правила об обязательной доле в наследстве, включая такое право, а также о запрете наследования недостойными наследниками.

Срок действия совместного завещания закон не ограничивает, но оно может утратить юридическую силу, если брак между супругами расторгается или признается недействительным. Данные обстоятельства могут проявиться как до, так и после наступления смерти одного из супругов. Если летальный исход все-таки произошел, то переживший супруг вправе совершить последующее завещание или отменить совместное завещание. Аналогичные последствия предусмотрены в законе при соответствующем волеизъявлении одного из супругов в любое время. Для осведомления второго наследодателя об отмене совместного завещания и других наследственных действиях первого супруга нотариус обязан направить второму супругу уведомление о факте совершения последующих завещаний и отмене совместного завещания.

Важной гарантией совершения договорного соглашения наследодателей совместного завещания является обязанность нотариуса осуществить при этом видеозапись данной процедуры при отсутствии возражений супругов.

Второй гарантией соблюдения субъективных наследственных прав является запрет на закрытый характер совместных завещаний под угрозой признания их ничтожными. Аналогичные юридические последствия могут последовать при совершении совместного завещания в чрезвычайных обстоятельствах.

Нормативно закреплена возможность сонаследодателей при их жизни оспорить совместное завещание. А после смерти одного из них или пережившего супруга оспорить такое завещание может лицо, чьи права и законные интересы этим актом нарушены.

Если совместное завещание является общим волевым актом обоих наследодателей-супругов, сочетая в едином волеизъявлении выражение воли каждого из них, превращая две односторонние сделки в договор, то наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ) [4] представляет собой соглашение между наследодателем и любым из лиц, которые могут призываться к наследованию [1, с. 6].

К слову сказать, в теории права не сложилось единого мнения по поводу соотношения между понятиями «договор» и «соглашение». Одни авторы считают их аналогами, а некоторые видят в них ряд различий. Примечательно, что законодатель не дает определения такого договора, как это делается по алгоритму традиционных договоров. Смысл договора можно понять лишь через ознакомление отдельных условий, которые могут включать в себя завещательные отказы и завещательные возложения. Кроме того, стороны могут предусмотреть в наследственном договоре положения о сделках с отлагательными условиями. При отказе наследника-участника договора от

наследства он, тем не менее, сохраняет силу в отношении других контрагентов. Права и обязанности, вытекающие из договора неотчуждаемы и непередаваемы.

Некоторые особенности имеет договор с участием супругов. В нем может быть предусмотрен порядок перехода прав на общее имущество супругов, а также имущество каждого из них. Кроме этого, договор может включать перечень имущества, входящего в наследственную массу; распоряжения супругов, например, о назначении душеприказчика. Однако, при расторжении брака между супругами до открытия наследства или признании его недействительным наследственный договор утрачивает юридическую силу. При наличии совместного завещания, составленного супругами до заключения наследственного договора с участием супругов, последний отменяет действие совместного завещания.

Нормы о наследственном договоре содержат требования об обеспечении субъективного права лиц на обязательную долю в наследстве и о запрещении наследования недостойными наследниками даже в случае появления указанного права после заключения договора. Необходимым требованием к оформлению договора является наличие в нем подписей сторон и его нотариальное удостоверение с возможностью видеофиксации этой процедуры.

Законодатель ввел вариантность в возможность заключения наследодателем как одного, так и нескольких наследственных договоров. Полагаем, что такое новшество может вызвать трудности и даже противоречия при практическом применении такой договорной конструкции. Любопытно и то, что при наличии нескольких договоров одно и то же имущество, обозначенное в них, будет предметом передачи по ранее заключенному договору. Здесь явное противоречие с правилами о завещании, которые предусматривают отмену ранее составленного завещания завещанием, оформленным позднее.

Динамика развития гражданско-правового договора включает в себя возможность его изменения и расторжения. Такие же положения применяются и в наследственном договоре, но лишь при жизни сторон либо на основании судебного решения при наличии существенных изменений обстоятельств, влияющих на юридическую судьбу договорного соглашения.

В то же время наследодатель имеет возможность совершить односторонний отказ от наследственного договора с нотариальным удостоверением и уведомлением об этом участников договора. Нотариус в трехдневный срок сообщает всем контрагентам о таком решении наследодателя. При этом отказавшаяся от договора сторона обязана возместить

другим его участникам убытки, связанные с исполнением ими договора. Но и другие контрагенты по договору не лишены возможности поступить аналогичным образом.

Одновременно не исключен вариант оспаривания договора при жизни наследодателя по инициативе одной из его сторон. Оспорить оговор можно и после открытия наследства субъектом, права и законные интересы которого нарушены этим актом. Законодатель, учитывая законные интересы лица-собственника наследуемого имущества, не запрещает наследодателю совершать сделки и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Такое право распространяется и на положение наследника, в котором он оказывается при лишении его имущества, причитающегося ему по наследственному договору.

Необходимо отметить, что излагаемые нововведения в наследственное право не безупречны, а в ряде случаев, на наш взгляд, лишены логики и требуют дальнейшего теоретического переосмысления. Но остается добавить, что нормы договорного права активно внедряются во многие институты цивилистики.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Нормы договорного права активно проникают во многие гражданско-правовые институты и подотрасли, включая наследственное право.
2. Совместное завещание супругов – это своеобразное договорное соглашение между двумя и наследодателями. Его юридическая сила зависит от состояния супружеских (брачных) отношений. Только при наличии брачных отношений можно составить совместное завещание. При расторжении брака, признании его недействительным, совместное завещание утрачивает юридическую силу.
3. В отличие от совместного завещания, сочетающего элементы двух самостоятельных сделок супругов, воплощенных в едином волеизъявлении, образующих общее соглашение, наследственный договор заключается между наследодателем и наследниками.
4. Необходимо отметить, что приведенное изложение в ст. 1140.1 ГК РФ положений о наследственном договоре не отличается четкостью. В нем отсутствует традиционное определение. Конструкция гражданско-правового договора включает в своем содержании перечисление прав и обязанностей сторон, чего нет в наследственном договоре. Вследствие чего целесообразно закрепить в законе конкретное определение этого договорного института с закреплением существенных условий наследственного договора.

Библиографический список:

1. Казанцев В.И. Гражданско-правовой договор (общие положения): практическое пособие. М.: Экзамен, 2008.
2. Казанцев В.И., Васин В.Н. Гражданско-правовые договоры: Учебное пособие для вузов. М.: Экзамен, 2006.
3. Казанцев В.И., Васин В.Н., Нарозников Н.К. Терминологический словарь по гражданскому праву. М.: Экзамен, 2007.
4. Федеральный закон РФ от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 25.07.2018.

Mikhailov F.N., Vasin V.N. **Reception of norms of contract law in hereditary legal relations**

The rules of contract law tend to be widespread. Contractual agreements have become elements of inheritance relations. There were joint wills of spouses, a hereditary contract between the testator and the heirs.

Keywords: terms, heritage, hereditary mass, testator heirs will, testament, agreement, contract.

УДК 346.3

В.Н. Васин, В.В. Васин

Договорный элемент в корпоративных отношениях

Аннотация:

Использование в корпоративных отношениях договорных конструкций вызывает большое количество дискуссионных вопросов теоретического и практического характера. Обладая специфическими чертами, корпоративный договор требует научного обоснования как самостоятельный вид гражданско-правового соглашения.

Ключевые слова: договор, корпоративные отношения, участие в юридическом лице, управление юридическим лицом, общество с ограниченной ответственностью.

Об авторах: Васин Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры гражданского права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: reckord@mail.ru

Васин Валерий Владимирович, кандидат юридических наук, ООО «Алмаз», старший юрист; эл. почта: reckord@mail.ru

Характерной чертой тенденции развития цивилистической науки является совершенствование и расширение диапазона разработки и дальнейшего применения договорного права в современных условиях хозяйствования. Появляется много новых договоров, формируются разнообразные смешанные договорные конструкции, сочетающие в своем содержании элементы гражданско-правовых соглашений. Среди новаций договорного права можно отметить появление корпоративного договора, обретшего законодательное закрепление.

В соответствии с п. 1 ст. 67.2 ГК РФ участники хозяйственного общества вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании

участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств, либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

Практически аналогичное содержание корпоративной договорной конструкции содержится в п. 3 ст. 8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [14], однако упомянутый нормативный акт называет указанное соглашение договором об осуществлении прав участников общества.

Из обозначенной законодательно закрепленной дефиниции представляется очевидным, что корпоративный договор является гражданско-правовым обязательством, согласно которому участники (акционеры) хозяйственного общества принимают на себя обязанность осуществлять определенные права, либо воздерживаться от совершения определенных действий в рамках управления таким обществом, приобретения или отчуждения долей участников.

Заслуживает особого внимания тот факт, что законодатель использует договорную форму для регулирования согласованных между собой действий участников корпоративного юридического лица. Однако, как указано в п. 2 упомянутой выше статьи ГК РФ, в корпоративном договоре не могут содержаться условия, ограничивающие право участников общества голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру его органов и их полномочия.

При наличии таких условий указанные ограничения прав участников являются ничтожными. Однако корпоративный договор может содержать обязанность, устанавливаемую для сторон соглашения, проголосовать на общем собрании участников общества за включение в устав организации положений, определяющих структуру управления юридического лица, их полномочия, если таковое предусмотрено действующим законодательством.

Форма корпоративного соглашения подразумевает составление одного документа в письменном виде, подписываемого сторонами. В случае заключения корпоративного договора, участники общества, являющиеся сторонами такого соглашения, обязаны уведомить общество о факте заключения такого договора. Эта обязанность по уведомлению общества содержит в себе гарантию прав иных участников юридического

лица, не пожелавших стать сторонами соглашения. В противном случае лица из состава участников, не являющиеся сторонами корпоративного соглашения, вправе требовать возмещения причиненных убытков. Как установлено п. 3 ст. 8 Закона об ООО, срок уведомления не должен превышать 15 дней со дня заключения договора.

Исходя из п. 5 ст. 67.2 ГК РФ, который корреспондирует со ст. 308 ГК РФ, корпоративный договор создает обязанности лишь для его сторон, и не может распространяться на остальных участников общества.

В силу того, что указанным договором регулируются корпоративные отношения, которые согласно п.1 ст. 2 ГК РФ подразумевают под собой отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, остается дискуссионным вопрос о распространении на них общих положений вещного, обязательственного и договорного права.

Принимая во внимание, что гражданско-правовым обязательством признается обязанность одного лица (должника) совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, либо воздержаться от его совершения, можно сделать вывод, что корпоративные отношения, вытекающие из решений собраний (органов управления организации) или договоров (договор об осуществлении прав участников общества) также могут порождать соответствующие права и обязанности.

Однако правоспособность стороны в подобных корпоративных обязательствах имеет определенную специфику. Она в том, что субъекты, участвующие в корпоративных отношениях, находятся в определенном соподчинении друг другу. Например, участники общества путем проведения общего собрания приняли решение о формировании совета директоров (наблюдательного совета) или о реорганизации общества. Представляется, что такие вопросы возникают в процессе управления обществом и определения способов ведения им хозяйственной деятельности.

Таким образом, в приведенных примерах корпоративные отношения не обладают классическими признаками диспозитивности и самостоятельности по отношению друг к другу.

В этой связи любопытно замечание В.Ф. Яковлева, который отмечает сложный комплексный характер корпоративных отношений, представляющих собой совокупность отношений собственности, обязательственных связей, а также организационно-правовых отношений по управлению юридическим лицом [3, с. 38-39].

Специфичность природы корпоративных отношений подчеркивает В.Д. Рузанова, которая, по ее мнению, заключается в том, что корпоративные отношения могут обладать признаками как имущественных, так и неимущественных отношений. Значительная их часть является организационными отношениями, которые по своей сути являются отношениями неимущественными [11, с. 124].

Стоит также привести замечание М.А. Егоровой, отметившей, что между корпоративными и обязательственными отношениями, элементами которого является правомочие требования кредитора и соответствующая ему обязанность должника, есть существенные отличия. Они заключаются в том, что сам по себе корпоративный договор не порождает традиционное для обязательства соотношение прав кредитора и обязанностей должника. Принимаемые на себя сторонами корпоративного договора обязанности и возникающие в связи с этим права реализуются не столько в отношении сторон по такому договору, сколько в отношении юридического лица [10, с. 13-18].

Касательно правовой природы корпоративного договора часть исследователей предлагает рассматривать указанную конструкцию как традиционный гражданско-правовой договор [4, с. 9; 7, с. 25; 8, с. 35-38]. Другая группа авторов, считает, что, несмотря на то, что корпоративное соглашение использует договорную форму, он все же осложнен корпоративным элементом, суть которого – участие и управление юридическим лицом [1, с. 60; 2, с. 25; 13, с. 15].

Как справедливо замечает Илюшина М.Н., законодателем внедряются новые механизмы, регулирующие отношения по созданию хозяйственных обществ, которые способствуют сочетанию частных, корпоративных и публичных интересов, что позволяет констатировать факт постоянного совершенствования юридических процедур, применяемых при создании юридических лиц [6, с. 59].

Анализ норм гражданского законодательства не позволяет однозначно выделить предмет корпоративного договора, а также его иные существенные условия. К предмету корпоративного соглашения целесообразно отнести отношения по участию и управлению юридическим лицом. Однако, более конкретные условия такого корпоративного участия и управления стороны соглашения могут определять на свое усмотрение.

Отдельного внимания заслуживает еще одна договорная форма, предусмотренная п. 5 ст. 11 Закона об ООО и используемая при осуществлении действий по учреждению хозяйственного общества.

Несмотря на явный корпоративный характер, упомянутый договор подпадает под правовое регулирование общих норм обязательственного и договорного права. Этот вывод можно сделать, проведя анализ статей Закона об ООО.

Так, указанная договорная конструкция может определять порядок осуществления совместной деятельности учредителей по учреждению общества, размер его уставного капитала, размер и номинальную стоимость доли каждого из учредителей, а также размер, порядок и сроки оплаты таких долей в уставном капитале общества. Несмотря на то, что указанным договором могут быть предусмотрены действия учредителей (их совместные действия), осуществляемые в процессе создания корпоративного юридического лица, договор об учреждении общества учредительным документом не является.

Договором об учреждении общества с ограниченной ответственностью может быть предусмотрена оплата долей в уставном капитале общества путем передачи такому обществу имущества, а также прав по его использованию, порядок предоставления компенсации в случае досрочного прекращения права пользования переданным имуществом для оплаты доли в уставном капитале юридического лица.

Как указано в п. 8 ст. 11 Закона об ООО сведения о размере и номинальной стоимости доли каждого участника общества вносятся в единый государственный реестр юридических лиц. При этом сведения о номинальной стоимости долей участников общества при его учреждении могут определяться исходя из положений договора об учреждении общества.

Обязанность по оплате денежной компенсации при досрочном прекращении права пользования переданным участником обществу имуществом установлена абз. 1 п. 3 ст. 15 ФЗ об ООО. Кроме того, договор об учреждении общества может содержать условия о сроке, на который осуществляется передача имущества его участника в счет оплаты доли в уставном капитале, порядке и сроке возврата переданных вещей участнику.

При заключении рассматриваемого соглашения в нем может быть предусмотрен срок, в течение которого учредители общества должны оплатить принадлежащую им долю в уставном капитале тем или иным образом. Однако, п. 1 ст. 16 Закона об ООО этот срок не может превышать четырех месяцев со дня государственной регистрации юридического лица. Дополнительно в договоре об учреждении организации может быть предусмотрена неустойка (штраф или пени) за неисполнение обязанности по оплате долей в уставном капитале.

Очевидно, что указанные договорные связи субъектов обладают признаками вещных и обязательственных отношений.

Совокупность законодательных норм, регулирующих порядок заключения такого договора, а также условия, которые могут включаться в него, квалификация правовой природы корпоративного договора – предмет научной дискуссии. Как отмечается в позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [9], договор об учреждении общества является видом договора о совместной деятельности. Предметом такого договора – отношения по учреждению общества.

Несмотря на разъяснения, в литературе отсутствует однозначный подход к определению правовой природы такого договора. Так, Д. Степанов отмечает, что по своей сути договор об учреждении хозяйственного общества по своим характеристикам схож с договором простого товарищества [12]. Некоторыми авторами отмечается, что договор об учреждении хозяйственного общества обладает чертами договорных конструкций о совместной деятельности, а также соглашения о возмездном приобретении долей или акций такого общества [15].

Несомненно, что как учреждение хозяйственного общества, так и участие и управление им являются отдельными видами корпоративных отношений. Однако применение договорной формы для их урегулирования порождает большое количество вопросов как теоретического, так и прикладного характера.

Внедрение в действующее законодательство новых норм, способов договорного регулирования корпоративных отношений порождает большое количество мнений исследователей о правовой сущности договорных конструкций, применяемых в корпоративной сфере.

Представляется, что использование договорной формы в корпоративных отношениях способно изменить само восприятие договора как правового института. Зачастую традиционный подход к пониманию договора уже не всегда позволяет в полной мере однозначно осуществить юридическую квалификацию такого способа регулирования правовых отношений.

Библиографический список:

1. Варюшин М.С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
2. Гайнутдинов М.Ш. понятие и правовая природа корпоративного договора по российскому праву // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXVI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 7 (25).
3. Гражданское право: Учебник в 2 томах / под ред. Б.М. Гонгало. Т.1. М.: Статут, 2016.
4. Грибкова Т.В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. Егорова М.А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий // Гражданское право. 2014. № 4.
6. Илюшина М.Н. Новеллы корпоративного права о создании общества с ограниченной ответственностью: достижение баланса частных, корпоративных и публичных интересов // Корпоративное правоотношение в условиях конвергенции частного и публичного права: сб. статей VII Ежегодной между. Научно-практической конференции «Коршуновские чтения» / Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2017.
7. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008.
8. Масляев А.И. Акционерное соглашение в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
9. Постановление от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.
10. Руденко Е.Ю. Правовая природа корпоративного договора в российском праве // Научный журнал Куб ГАУ. 2016. № 118 (04).
11. Рузанова В.Д. Вопросы применения норм обязательственного права к корпоративным отношениям // Корпоративное правоотношение в условиях конвергенции частного и публичного права: сб. статей VII Ежегодной между. Научно-практической конференции «Коршуновские чтения» / Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2017.
12. Степанов Д. Особенности договора учредителей о создании акционерного общества // Хозяйство и право. 2000. № 2.

13. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС. 2012. № 10.
14. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785. (с последующими изменениями).
15. Цепов Г.В. Акционерное общество: проблемы гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

Vasin V.N., Vasin V.V. Contractual element in a corporate relationship

The use of contractual structures in corporate relations raises a large number of theoretical and practical discussion questions. Possessing specific features, a corporate agreement requires scientific justification as an independent type of civil law agreement.

Keywords: agreement, contract, corporate relations, Participation in a legal entity, Management of a legal entity, limited liability company.

УДК 347.4

С.Г. Бунина

**Развитие юридической ответственности за нарушение прав потребителей
в российском законодательстве**

Аннотация:

Защита прав потребителей является составной частью деятельности государства по охране прав, свобод человека и гражданина. На рубеже XX-XXI вв. появляется тенденция ориентации законодателя на поиск и сохранение разумного соотношения правовых статусов потребителей, продавцов, производителей, изготовителей. В целом же развитие института юридической защиты прав потребителей в России характеризовалось возникновением новых форм и способ защиты.

Ключевые слова: защита прав потребителей, торговое право, право потребителей, история права России, юридическая ответственность, продавец, изготовитель, исполнитель, потребитель.

Об авторе: Бунина Сона Григорьевна, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: bunina@uni-dubna.ru

Эффективная защита прав потребителей предполагает создание действенного механизма контроля и ответственности, который служит гарантом установленных прав. Эволюция прав потребителей сопровождалась развитием и усложнением институтов гражданской, административной и уголовной ответственности.

Дореволюционное законодательство не знало четкого разграничения между преступлениями и гражданскими правонарушениями. Уже Псковская Судная Грамота [7, ст. 118] устанавливала правовые последствия продажи некачественного товара, предоставляла возможность покупателю расторгнуть договор купли – продажи коровы, если она оказалась слабой, болезненной. В данном же случае речь идет о восстановлении нарушенного права покупателя, но дополнительные меры не применяются к продавцу. Такая же процедура применялась при порче украшений, драгоценных камней мастером

(договор подряда). Мастер должен был лишь выплатить стоимость испорченной вещи по оценке сторонних экспертов.

В дореволюционном уголовном законодательстве, действовавшем до 1917 г., обман покупателей, во-первых, рассматривался как вид мошенничества, во-вторых, как форма хищения, а в-третьих, отдельной статьей, т.е. специальной нормой, предусматривалась ответственность за обман покупателей, но только в том случае, если он совершался в размере свыше 300 рублей [1, с. 9]. Уголовная ответственность была предусмотрена за несоблюдение правильных мер и весов. А наказание – вплоть до смертной казни.

Статья 1 гл. 25 Соборного Уложения [8] предусматривала штраф за незаконное изготовление вина и его продажу, незаконное содержание питьевых заведений (ст. 9). В указе 1718 г. запрещалась продажа «нездорового съестного харча и мертвечины» и устанавливались жесткие меры наказания: «за первую вину будет бит кнутом, за вторую – сослан на каторгу, за третью – учинена будет смертная казнь». В указе 1722 г. предписывалось «несвежее мясо бросать собакам или велеть закапывать в землю в особых местах, а ежели у кого для продажи явится какая мертвечина и за то таковых бить кнутом и, вырезав ноздри, ссылать на каторгу на урочные годы». Надзор за качеством продукции был возложен на полицию. Указами Сената (1756 г.) определялись права полиции, которая должна была следить также за ценами на пищевые продукты на рынках: пристав должен посещать рынки своей части, и буде усмотрит жалобу или дороговизну, то о том, чего сам исправить не может, предлагать управе» [15].

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [9], в отделении четвертом – «О мошенничестве, обманах и приобретении чужого имущества», статья 173 закрепляла уголовную ответственность за обмер и обвес при продаже, купле или мене товара или иных вещей, равно за другие обманы в количестве или качестве товара, или в расчете платежа, или же при размене денег, если цена похищенного не превышает 300 рублей. Согласно ст. 174 Устава о наказаниях к обману покупателей приравнивались и такие действия, как: подмена вещей, вверенных для хранения, переноса, перевозки или иного доставления; выманивание у кого-либо денег или вещей путем сообщения ложных известий или под видом выгодных предприятий, мнимых расходов по какому-либо делу, благотворительности или иным мошенническим способом; невозвращение заемного письма, векселя, расписки или подписанного покупателем счета после получения долга или отказ отметить в них получение долга с целью вновь потребовать уплаченное; невозвращение данного в обеспечение займа залога (залога); передача в наем или в

безвозмездное пользование чужого движимого имущества, не имея на то полномочий, с целью присвоить себе за наем деньги или извлечь из этого другую противоправную выгоду.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1885 г. предусматривало более строгое, по сравнению с предыдущим, наказание за обман покупателей, а именно: виновный лишался всех личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и заключался в тюрьму на срок от одного до трех месяцев. Также устанавливался штраф до 100 рублей на виновных за «приготовленные к продаже или продажу съестных припасов или напитков, вредных для здоровья или испортившихся, а равно подделку посуды из вредных для здоровья материалов» (ст. 115) или предусматривался арест сроком до одного месяца. В качестве обстоятельств, отягчающих наказание до шести месяцев заключения, ст. 175 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривала совершение обмана потребителей: лицом, ранее судимым за кражу или мошенничество; по сговору нескольких лиц; если он был сопряжен с какими-либо особыми приготовлениями; если виновный по своему званию или месту, или по особым с обманутым отношениям внушал особое к себе доверие; в отношении малолетнего, престарелого, слепого или глухонемого; сопряженного с употреблением суеверных обрядов; если виновный выдавал себя за чьего-либо поверенного или священнослужителя, или присвоил себе ложное имя. В качестве смягчающих обстоятельств обмана покупателей указанным законом назывались: а) добровольное возвращение похищенного; б) совершение обмана покупателя по нужде и неимению никаких средств к проживанию; в) если обман покупателя не превысил 50 копеек. Неотделимость обмана покупателей от мошенничества подтверждает и то, что согласно ст. 174 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, к обману покупателей приравнивались по наказанию и другие мошеннические действия [1].

В Уголовном уложении 1903 г. [10] обман потребителей также рассматривался как проявление мошенничества (одна из форм мошенничества). Согласно ч. 1 ст. 591 Уголовного уложения в качестве мошенничества рассматривалось: похищение чужого движимого имущества с целью присвоения; похищение чужого движимого имущества с целью присвоения путем обмана, обвеса или иного обмана в количестве или качестве предметов при купле – продаже или иной возмездной сделке. Наиболее суровые санкции применялись за нарушение правил торговли спиртными напитками во второй раз – арест на срок до одного месяца или денежное взыскание до 100 рублей. Торговля крепкими

спиртными напитками разрешалась физическим лицам на основе «одобрительных аттестатов», выдаваемых муниципальными органами по согласованию с органами полиции. Питейные дома действовали на основе разрешения градоначальника либо губернатора (по согласованию с Министерством финансов). Для открытия заведений, где торговали крепкими напитками (портерные и пивные лавки не допускались), указанных разрешений не требовалось, единственным документом, санкционирующим их деятельность, был патент. Аннулирование патента всегда рассматривалось в качестве дополнительного наказания за проступки, нарушающие правила торговли. В редких случаях было предусмотрено временное приостановление деятельности, осуществляемой на патентной основе, впредь до устранения выявленных нарушений: согласно ст. 515 Устава об акцизных сборах временно отзывался патент у лица, торгующего спиртным в питейном заведении, на открытие которого не было получено разрешения. В случае получения такого разрешения правоспособность патентообладателя восстанавливалась в прежнем объеме.

В кодификации советского уголовного законодательства обман покупателей как самостоятельный состав преступления отсутствовал. Специальной нормы об уголовной ответственности за обман покупателей не было и в первом советском Уголовном кодексе, принятом в 1922 г. [11]. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [12] также в первоначальном виде предусматривал ответственность за нарушение правил, регулирующих торговлю: «Нарушение правил, регулирующих торговлю, если в них специально не оговорено преследование в административном порядке, – принудительные работы на срок до одного года или штраф до двух тысяч рублей. Совершение лицом, входящим в состав органов управления кооперативного или кредитного учреждения, действий, воспрещенных законом или уставом учреждения, – принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей».

Дальнейшее развитие советской торговли вызвало необходимость помимо закона о борьбе со спекуляцией от 22 августа 1932 г. издание общесоюзного закона 25 июля 1934 г. о борьбе с обманом Советского государства и обворовыванием потребителя [4, ст. 325]. В целях «искоренения из практики советской торговли» таких явлений закон признал тяжким преступлением не только самое обмеривание и обвешивание покупателя, но и нарушение установленных розничных цен, продажу товаров низшего сорта по цене высшего. Уголовный кодекс 1960 г. [13, ст. 591] в статье 7.1. отнес обман потребителей при отягчающих обстоятельствах к тяжким преступлениям. Статья 156 устанавливала, что

обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств, качества товара или иной обман потребителей в магазинах, на других предприятиях, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению, независимо от форм собственности, а равно гражданами, занимающимися предпринимательской деятельностью в сфере торговли (услуг), – наказывается лишением свободы на срок до двух лет либо штрафом от пятидесяти до трехсот минимальных размеров оплаты труда с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового. Те же действия, совершенные повторно либо по предварительному сговору группой лиц, наказывались лишением свободы на срок до пяти лет либо штрафом от трехсот до тысячи минимальных размеров оплаты труда с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет. Обман потребителей в небольшом размере, совершенный повторно в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, наказывался штрафом от тридцати до ста минимальных размеров оплаты труда. Обманом потребителей в небольшом размере являлся обман, причинивший потребителям ущерб в сумме, не превышающей одной десятой части минимального размера оплаты труда. В 1982 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря были внесены изменения в санкцию состава обмана покупателей и заказчиков. За простой обман было исключено наказание в виде лишения свободы, а исправительные работы увеличены до 2 лет, введен штраф и обозначен срок лишения права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. [13] до декабря 2003 содержал в себе статью 200, устанавливающую ответственность за обман потребителей. Основанием уголовной ответственности за обман потребителей, считался обман в значительном размере, т.е. причинивший потребителям ущерб в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» от 19 июня 2000 г. с 1 июля 2000 г. минимальный размер оплаты труда составлял 132 рубля в месяц; с 1 января 2001 г. – 200 рублей; с 1 июля 2001 г. – 300 рублей; с 1 мая 2002 г. – 450 рублей в месяц. Проблемой было определение формы вины, особенно когда речь шла о продаже продуктов с истекшими сроком годности. Также допускались ошибки при определении сферы действия статьи об

обмане потребителей, при решении вопроса о субъекте преступления и потерпевшем от преступления [2]. После декриминализации в 2004 г. обмана потребителей были внесены изменения и в административное законодательство, и на защите прав потребителя стояло гражданское законодательство [3].

Интерес вызывает институт компенсации морального вреда, причиненного потребителю. Легальное определение понятия морального вреда было введено Основами Гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 [6, ст. 733]. Определялось, что моральный вред – это физические или нравственные страдания. Моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемой судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. Установление факта причинения моральных страданий является прерогативой суда, что приводит к невозможности для потребителя самостоятельно применить эту меру защиты своих нарушенных прав. Логика законодателя в этом вопросе ясна – реализации норм о компенсации морального вреда требует установления наличия страдания потребителя в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения продавцом, исполнителем, изготовителем своих обязанностей, причинной связи между неправомерным действием (бездействием) и моральным вредом, виной причинителя вреда. Безусловно, действия по установлению оснований для взыскания морального вреда, требуют вмешательства третьих лиц. В настоящее время представляется целесообразным наделение общественных организаций полномочиями по принятию решения о необходимости компенсации морального вреда. При этом такое решение документально оформляется и основывается на представленных доказательствах. Сторонам предоставляется право его обжалования в судебном порядке.

Исследование развития ответственности за нарушение прав потребителей, позволяет сделать вывод, что первыми мерами уголовного характера за использование неправильных весов как формы обмана потребителей, были смертная казнь, телесные наказания, конфискация имущества, арест (Устав князя Владимира 996 г., Устав Новгородского князя Всеволода 1136 г., Артикул воинский 1716 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г.). Изначально, гражданско-правовая ответственность за нарушения прав потребителя была направлена только на обеспечение надлежащего исполнения обязательств, вытекающих из договоров: законодательство

наделяло покупателя правом расторгнуть договор в случае продажи ему товара ненадлежащего качества, либо ненадлежащего исполнения услуг. В дальнейшем меры гражданско-правового характера расширяются возможностью компенсации имущественного и морального вреда, причиненного неисполнением обязательств. Такие же основные тенденции развития законодательства в сфере защиты прав потребителей присущи и иностранному законодательству [17, 18].

Библиографический список:

1. Аникиец С.Г. Обман потребителей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. - 184 с.
2. Васецов А. Квалификация обмана потребителей // Российская юстиция. 1996. № 11. С. 10-11.
3. Гражданский Кодекс РФ // Российская газета. 1994. № 238-239.
4. Закон от 25 июля 1934 г. «О борьбе с обманом Советского государства и обворовыванием потребителя» // СЗ СССР. 1934. № 41.
5. Куклев В. Ответственность за преступления в сфере торговли // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 28-30.
6. Основы Гражданского Законодательство Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. №2211-1) // Ведомости ВС СССР. 1991. №26.
7. Псковская Судная Грамота 1467 г. // Российское законодательство X-XX веков. М.: Юридическая литература, 1984. Т.1. С. 395-419.
8. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. М.: Юридическая литература, 1985. Т.3. С. 275-320.
9. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. Издание Государственной канцелярии. СПб., 1866. 255 с.
10. Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков. М.: Юридическая литература, 1985. Т.9. 386 с.
11. Уголовный кодекс РСФСР // Собрание кодексов РСФСР. М., 1922.
12. Уголовный кодекс РСФСР // Собрание кодексов РСФСР. М., 1926.
13. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. №40.
14. Уголовный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 1996. №25.

15. Указ Правительствующего Сената 1756 г. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. 331 с.
16. Чепурна И.П. Защита прав потребителей. Виды и способы обманов покупателей при продаже продовольственных товаров. Ростов на Дону, 2003. 411 с.
17. Allgemeines deutsches Handelsgesetzbuch / Nach Rechtsprechung und Wissenschaft erl. u. hrsg. von Hugo Keyßner. Stuttgart: Enke, 1878. 501 s.
18. Nader R. Unsafe at Any Speed. New York: Grossman Publishers, Inc. 1965. 365 p.

***Bunina S.G.* The development of the legal liability for consumer rights violation in russian legislation**

Nowadays protection of the consumer rights is a complex activities of the state needed for the protection of the rights and freedoms of a person. There is a tendency of the legislator to focus on searching and maintaining a reasonable correlation among legal statuses of consumers, sellers, manufacturers at the turn of XX-XXI centuries. As a whole the development of the institution of legal consumer rights protection in Russia was characterized by the appearance of new forms and methods of protection.

Keywords: consumer protection, trade law, consumer law, history of russian law, legal liability, seller, manufacturer, executor, consumer.

УДК 340.115.7

А.А. Бусыгин, О.Б. Желтов

**Пути совершенствования процедуры реструктуризации долгов граждан -
заемщиков банков (историко-правовой аспект)**

Аннотация:

Предлагается ввести изменения в процедуру реструктуризации долгов гражданина, посредством внесения изменений в Закон о банкротстве. Эти изменения помогут многим должникам вернуться в график погашения задолженности, что будет способствовать увеличению возвратности кредитов с обеспечением гражданами.

Ключевые слова: процедура реструктуризации и защита прав заемщиков в России и за рубежом, историко-правовой аспект тенденции становления, развития законодательства о банкротстве граждан.

Об авторах: Бусыгин Антон Андреевич, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: antonbus@bk.ru

Желтов Олег Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: prep99@mail.ru

Внесение изменений, касающихся банкротства граждан, в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) могло стать одним из инструментов, которым можно защитить права потребителей финансовых услуг (заемщиков). Несмотря на то, что внесенные изменения способствовали росту количества поданных заявлений [6] о банкротстве граждан в нашей стране, предлагаемые изменения призваны существенно повысить востребованность данной процедуры не только у граждан, но и у кредиторов.

Прописанная в Законе о банкротстве процедура реструктуризации не работает достаточно эффективно. Это первая процедура в деле о банкротстве гражданина; в ходе нее решается вопрос о возможности ее продолжения или открытия процедуры реализации

имущества. На начало 2018 г. насчитывалось 33 487 поданных заявлений о банкротстве физических лиц. Из них принято порядка 14 821, а завершено около пятисот дел. Принято решений о реализации имущества – 10 189, а решений о реструктуризации: 4 632 [2]. Статистика неплохая, но по факту процедура реструктуризации назначается большинством судей, как промежуточный этап между поданным заявлением и введением процедуры реализации имущества.

Почему должнику не выгодна такая процедура? Потому, что нужно три года платить, находясь под надзором финансового управляющего, испытывать ограничения в использовании счетов, и прочие препятствия. А если в течение этих трех лет финансовое положение ухудшится (гражданина уволят с работы, например), то тогда, согласно Закону о банкротстве, все равно придется переходить к процедуре реализации имущества.

Чтобы провести комплексную оценку процедуры реструктуризации долга заемщиков в России, необходимо обратиться к международному опыту. Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы посмотреть, оценить и выявить определенные особенности законодательства в части реструктуризации долга, срока действия, порядка назначения. Для сравнения были отобраны США, Франция и Германия, в правовых системах которых существует институт банкротства граждан.

Прежде всего, обратимся к праву США. План реструктуризации утверждается и действует по правилам, утвержденным в главе 13 Акта о банкротстве. Реструктуризацию могут позволить себе граждане с регулярным доходом, с необеспеченным долгом меньше чем \$250 000 и обеспеченным долгом на сумму, не превышающую \$750 000. Количество банкротящихся граждан возросло в США после кризиса 2008 г. Так, если в 2007 г. их число не превышало одного миллиона, то в 2009 г. оно возросло до полутора миллионов граждан [8]. Треть банкротов воспользовались планом реструктуризации как одной из процедур банкротства. Она привлекает должников, так как они могут сохранить большую часть имущества, а для кредиторов план реструктуризации позволяет вернуть большую часть долга. Если у гражданина есть имущество и высокие доходы, то он предпочитает выплачивать свои долги посредством представления плана в суд. В план реструктуризации включаются долги по кредитным картам, медицинским счетам, аренде, ипотеке, автокредиту. Срок действия такого плана не может превышать трех лет, за исключением случаев, когда судья примет решение об увеличении срока, но не более чем на пять лет.

Во Франции срок действия плана реструктуризации составляет десять лет, но в правоприменении его длительность не превышает пяти, если гражданин не может выплачивать проценты и сумму основного долга по кредиту, то он обращается в долговую комиссию при Центральном Банке Франции, и если заявление подано с соблюдением закона, комиссия выбирает между двумя процедурами: утверждением плана реструктуризации или персональное восстановление. Срок действия плана утверждается с учетом мнения основных кредиторов и заемщиков. Если они не достигнут между собой согласия, то вводится двухлетний мораторий на удовлетворение требований, после которого дело возобновляется. Суд также может внести в план некоторые изменения, касающиеся графика платежа, суммы долга. Если после всех принятых мер у должника не получается платить по предложенному плану, тогда применяется процедура финансового восстановления, эквивалентная реализации имущества в отечественном законе о банкротстве. Во Франции основное внимание уделяется именно плану реструктуризации, как и в остальных странах Европы. В 2016 г. 159,967 заявлений о банкротстве было удовлетворено и утверждено 87 673 плана реструктуризации, что составляет более половины из общего числа поданных заявлений [10].

Германский закон о банкротстве (Insolvenzordnung) имеет своей целью удовлетворение интересов кредиторов, в первую очередь, и во вторую – интересов должников [9]. Процедура банкротства состоит из трех частей: первая часть, досудебная, включающая в себя уведомление должником кредиторов и взаимодействие их друг с другом, вторая часть, судебная, которая включает утверждение плана, а третья часть включает в себя вмешательство судьи и изменение им плана в пользу должника. Если в первой и второй частях не удалось достичь соглашения с кредитором, то только тогда должник может получить план со списанием части задолженности. Вся оплата плана идет через управляющего, который передает денежные средства кредиторам. В Германии срок действия плана реструктуризации задолженности составляет шесть лет. После выплаты полного объема платежей в течение всего срока плана, судья решает, может ли оставшаяся часть быть списана. Такая процедура возможна раз в десять лет. В Германии, слово долг ("Schuld") воспринимается с негативной окраской, и имеет вторым значением «вина, упрек» [5]. В связи с этим многие немцы очень боятся финансового краха, связанного с банкротством. В начале двухтысячных годов количество поданных заявлений о банкротстве не превышало нескольких тысяч. Финансовый кризис 2008 г. и безработица существенно увеличили количество дел, связанных с персональным

банкротством, до сотни тысяч [7]. В Германии нет процедуры реализации имущества банкротов, все строится на реструктуризации проблемной задолженности с использованием финансового управляющего, а также судьи, который может изменить план, в пользу должника или даже простить долг.

При изучении того, как процедура реструктуризации урегулирована в зарубежных правовых системах, можно заметить много существенных различий. В США реструктуризация и сама процедура банкротства направлены на помощь должнику, в Европе законодатель отдает приоритет кредиторам, при этом срок плана реструктуризации во всех правовых системах больше трех лет. В Германии по закону гражданин должен отдать все имущество, полностью удовлетворить интересы кредиторов, только после этого ему могут списать долг. В США и Франции должники имеют более «сильную» позицию [1]. Но статистика говорит о том, что в развитых странах существенный процент граждан обращаются к процедуре реструктуризации как к способу сохранить имущество и избавиться от долгов [3]. В России кредиторы не получают ни имущество, ни деньги при процедуре реализации. В то же время процедура реструктуризации не развита, в связи с чем большой процент граждан и кредиторов не могут обратиться в суд с заявлением о введении этой процедуры, во многом это связано с тем, что законом предусмотрен небольшой срок проведения процедуры, в отличие от иных правовых режимов.

Задолженность по кредитному договору в иностранной валюте, обеспеченному ипотекой или так называемая «валютная ипотека» – это идеальная ситуация, где в процедуре банкротства можно разработать план реструктуризации, при котором стороны смогут получить удовлетворение собственных интересов. При этом суд и финансовый управляющий не дадут банку навязать должнику невыгодные условия реструктуризации, которые обычно банки предлагают на переговорной стадии, а кредиторы смогут восстановить платежеспособность своего заемщика.

Для должника по валютной ипотеке реструктуризация долгов, в отличие от процедуры реализации имущества, не приносит никакой пользы. В связи с этим она практически не применяется в судебной практике. Во-первых, это связано с тем, что заложенное имущество стоит в два раза меньше текущего долга по валютной ипотеке, а, во-вторых, весь долг спишут по окончании процедуры. По графику платежей долг должен быть погашен в течение пяти или десяти лет, однако в связи с тем, что заемщик банка уже имеет солидную задолженность, дальнейшие выплаты не представляются возможными.

Остается два варианта – переговоры и судебное разбирательство. Переговоры банк не интересуют, в результате чего все переговорные опции – утверждение и продление кредиторами плана реструктуризации, вариативность его условий – фактически не работают.

В п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве предусмотрено: «В случае если собранием кредиторов не одобрен план реструктуризации долгов гражданина, арбитражный суд вправе утвердить этот план при условии, что его реализация позволяет полностью удовлетворить требования конкурсных кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества гражданина». Согласно п. 2 ст. 213.14 Закона о банкротстве срок реализации плана в таких случаях будет составлять всего два года.

Если человек не может гасить долг по графику в течение пяти или десяти лет, как можно исполнить все обязательства за два года? Очевидно, что такой опцией может воспользоваться лишь весьма ограниченное число должников.

Закон о банкротстве не дает однозначного ответа по данному вопросу, а п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» гласит о том, что за время реструктуризации достаточно выйти из ситуации, когда задолженность просрочена, а погашать все долги не обязательно: «...цель восстановления платежеспособности должника будет считаться достигнутой, если по окончании срока его реализации должник не будет иметь просроченных обязательств и будет способен продолжить исполнять свои обязательства...», то есть необходимо будет погасить все долги, накопившиеся за несколько лет, а затем через два года вернуться к погашению задолженности в размере, предусмотренном по договору.

Исходя из положений Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» должник, заемщик банка, может получить лишь некоторую передышку, но в итоге все вернется на круги своя - за исключением редких случаев, когда должник получит наследство или сможет резко, как минимум в два раза, повысить уровень дохода. Полноценного же решения проблемы как не было, так и не ожидается. В связи с этим необходимо урегулировать данный вопрос путем внесения изменений в ст. 213.14 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», корректировки касаются увеличения срока действия процедуры реструктуризации.

Пункт 2 ст. 213.14 Закона о банкротстве в действующей редакции выглядит так: «Срок реализации плана реструктуризации долгов гражданина не может быть более чем три года. В случае, если план реструктуризации долгов гражданина утвержден арбитражным судом в порядке, установленном пунктом 4 статьи 213.17 настоящего Федерального закона, срок реализации этого плана должен составлять не более чем два года».

В новой редакции пункт 2 ст. 213.14 Закона о банкротстве, предлагается изложить следующим образом: «Срок реализации плана реструктуризации долгов гражданина не может быть более чем десять лет. В случае, если план реструктуризации долгов гражданина утвержден арбитражным судом в порядке, установленном пунктом 4 статьи 213.17 настоящего Федерального закона, срок реализации этого плана должен составлять не более чем восемь лет».

Таким образом, вносимые изменения смогут существенно повлиять на граждан, которые хотели бы ввести процедуру реструктуризации, но не решались на это в связи с короткими сроками, установленными законом. Многие граждане в нашей стране заключили кредитные договоры под залог недвижимого имущества, для многих граждан процедура реструктуризации в данном случае сможет стать способом уменьшить на определенное время финансовую нагрузку, тем самым способствуя повышению уровня жизни, а также развитию банковской системы: для многих банков гораздо выгоднее получить средства от заемщиков, а не заниматься реализацией трудно реализуемого имущества.

Ограничив выбор для должника, законодатель создал острый конфликт между кредиторами и должниками. Очевидно, что опасения банковского сектора, связанные с угрозой массового банкротства граждан, обоснованы. Если списывать долги всем гражданам, то это обернется убытками для банковской системы в целом. Любой добропорядочный гражданин понимает, что деньги, взятые в долг, нужно возвращать. Наивно думать, что все граждане только и думают, как обмануть кредиторов, а в особенности кредитные организации. Для обычного гражданина целью является не сам факт списания долга, а предоставление ему возможности справиться с финансовыми трудностями.

В отношении обязательств по ипотечным кредитам такой расчет может быть произведен, исходя из периода в 10 лет. Данный вариант основан на том, что значительная часть ипотечных кредитов выдается на срок более 10 лет. Это поможет должникам

вернуться в график погашения задолженности и будет способствовать увеличению возвратности кредитов с обеспечением.

Установление увеличенных сроков погашения долга – лишь один из шагов. Так же возможно предусмотреть в Законе о банкротстве изменение суммы и условий погашения обязательств перед кредиторами, с учетом интересов всех участников банкротных правоотношений. Финансовый управляющий, основываясь на финансовом анализе имущественного положения, доходов и расходов должника-гражданина сможет подготовить условия изменения обязательств.

Изменения, вносимые в ст. 213.14 Закона о банкротстве, а именно, увеличение срока процедуры реструктуризации до 10 лет, помогут многим должникам вернуться в график погашения задолженности и поспособствуют увеличению возвратности кредитов с обеспечением. Увеличение срока процедуры реструктуризации отвечает общемировым тенденциям, тем самым государство дает возможность должникам постепенно освободиться от задолженности, не лишаясь своего имущества.

Библиографический список:

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3 т. Том 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. М., 2017. 768 с.
2. Кораев К.Б. Основная идея законодательства о банкротстве гражданина // Российская юстиция. 2017. №57. С. 10-13.
3. Основные институты гражданского права зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование / Рук. авт. кол. В.В. Залесский. М., 2017. 644 с.
4. Статистическая информация научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа по итогам заседания 22 - 23 сентября 2017 г. (г. Вологда) [Электронный ресурс]. URL: <http://fasszo.arbitr.ru/welcome/show/633200024/458> (дата обращения: 06.10.2018).
5. Степанов В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 2015. 204 с.
6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. №43. Ст. 4190

7. Шишмарева Т.П. Процедура освобождения от возмещения оставшегося долга в законодательстве о несостоятельности Германии // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. №1. С. 38-42.
8. Gerdano J. Samuel The history of the American Bankruptcy Institute [Electronic resource]. URL: <http://www.abiworld.org> (access: 10.10.2018).
9. Insolvenzordnung (InsO) [Electronic resource]. URL: <http://www.gesetzeiminternet.de/inso/BJNR286600994.html#BJNR286600994BJNG036800301> (access: 23.09.2018).
10. Rapport №447 (2016-2017) of Senator Philippe Dominati [Electronic resource]. URL: <http://www.opsi.gov.uk/si/si2006/20060246.htm> (access: 15.10.2018).

A.A. Busygin, O.B. Zheltov Ways to improve the procedure for restructuring the debt of citizens - borrowers of banks (historical and legal aspect)

It is proposed to introduce changes to the procedure for restructuring the debts of a citizen through amending the Bankruptcy Law. The extension of the procedure to 10 years will help many debtors to return to the schedule of debt repayment and will contribute to an increase in the repayment of loans with security

Keywords: bankruptcy of citizens, restructuring procedure, protection of borrowers' rights in Russia and abroad, development of legislation, history, trends.

УДК. 349.41

Е.В. Марьин

Правовое обеспечение арендной платы за землю

Аннотация:

Статья посвящена анализу взимания арендной платы за землю, проанализированы положительные и отрицательные стороны установления и взимания данной платы в отечественной практике.

Ключевые слова: арендная плата, казна, бюджет, земельный участок.

Об авторе: Марьин Евгений Владимирович, кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), доцент кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости; эл. почта: evgenii_marin@mail.ru

Наравне с собственностью на землю аренда земли выступает главной формой реализации земельных отношений в нашей стране. Аренда земли определяется как форма землепользования и землевладения, когда арендодатель дает за плату арендатору земельный участок во временное пользование и владение для ведения хозяйства [10].

В экономике землепользования арендно-рентные отношения определяют как совокупность экономических, правовых, психологических отношений, возникающих между собственниками земли и другими субъектами хозяйствования, в результате взаимодействия которых появляются институты (правила) определения величины арендной платы за землю (земельной ренты) [7, с. 31-33].

Ученые-экономисты доказывают необходимость сохранения государственной и муниципальной собственности на городские земли [1, с. 7], и называют арендные отношения одной из наиболее эффективных форм использования земли в Российской Федерации: главным инструментом, в отсутствие развитого земельного рынка, становятся арендные отношения перераспределения земли к эффективно хозяйствующим товаропроизводителям и бережного и рационального ее использования [2, с. 85], при этом следует предотвратить образование латифундий и класса

неработающих собственников, присваивающих земельную ренту в качестве арендодателей-посредников [9, с. 15].

Необходимость наличия института аренды земли подтверждается тем, что в общем количестве сделок с федеральными, региональными и муниципальными землями устойчиво доминирует аренда земельных участков [6, с. 21].

Сумма арендной платы и ее удельный вес в земельных платежах возрастает более высокими темпами, чем поступления земельного налога; к 2016 году величина арендой платы стала больше земельного налога почти в 2 раза. Это связывают с тем, что в городах России земли в основном используются на правах аренды, при этом ставки арендной платы регулярно пересматриваются решениями городских властей в сторону увеличения [2, с. 55].

Согласно зарубежной практике ставка арендной платы за пользование землей устанавливается на уровне величины банковской ставки, так как предоставление земли в аренду можно условно сопоставить с предоставлением кредита (земельного участка), защищенного от инфляции [8, с. 136-137]. Законодательство государств, которые являются членами ЕС, в целях защиты прав арендатора, ограничивает полномочия государственных (муниципальных) органов по изменению размера арендной платы, допуская их лишь тогда, когда истекает определенный период времени, установленный договором. По мнению М.С. Жевлакович, введение такой нормы в Российской Федерации может создать определенные гарантии для арендатора и обеспечить стабильные арендные отношения, сделав арендное землепользование более привлекательным для того лица, которое желает выступать арендатором земельного участка [5, с. 10].

Арендная плата за землю может определяться следующими основными способами:

1. как относящаяся к земельному участку часть дохода от ведения предпринимательской деятельности на этом земельном участке (земельная рента);
2. как доход от сдачи в аренду земельных участков на условиях, сложившихся на открытом и конкурентном рынке земли (рыночные ставки арендной платы);
3. как произведение стоимости земельного участка и коэффициента капитализации.

При этом алгоритм расчета арендной платы 1-м и 2-м способом базируется на анализе рыночной информации, непосредственно связанной и определяющей величину арендной платы или земельной ренты. Эти два способа по сравнению с 3-м предполагают меньшее влияние экспертных (субъективных) предположений оценщика на результат

расчета. Данные способы расчета в оценочной деятельности относят к «прямым методам», зависящим от меньшего числа расчетных параметров, и, следовательно, более точным.

Менее точным («косвенным») способом считается расчет арендной платы как произведения стоимости земельного участка и коэффициента капитализации, так как при выявлении рыночной стоимости земельного участка возможна большая разница результатов оценки одного и того же объекта. При обосновании величины коэффициента капитализации относительная разница величины арендной платы также повышается. Потому этот метод чаще применяют в условиях, когда нет возможности применить «прямые» методы.

Относительно определения арендной платы на основании анализа рыночных арендных ставок, следует отметить, что в РФ данный рынок не сформировался полностью (рынок аренды земли между множеством частных собственников отсутствует, под аренду сдаются только государственные и муниципальные земельные участки по ставкам, установленным соответствующими уполномоченными органами власти). Таким образом, для использования данного метода расчета необходимая информация отсутствует и его применение на основе российских аналогов невозможно.

Наиболее подходящим и достоверным по информации является рентный подход (способ) к вычислению арендной платы. Земельная рента определяется как относящаяся к земельному участку часть дохода от ведения на нем предпринимательской деятельности [25]. В наилучших экономических условиях величина земельной ренты равна величине рыночной арендной платы.

Некоторые авторы отмечают, что «действующее российское законодательство не проводит четкого различия между земельным налогом и платой за аренду государственных и муниципальных земель ни в правовой, ни в экономической плоскости» [11, с. 19]. Действительно, на это указывают положения Земельного кодекса РФ о возможности исчисления арендной платы наравне с земельным налогом, на основе кадастровой стоимости земельных участков, утверждение Правительством РФ начал установления арендной платы, нормативно-правовое установление порядка определения арендной платы в муниципальных образованиях и обширная судебная практика по отнесению арендной платы к регулируемой цене. То есть, «отношения, складывающиеся при аренде государственных и муниципальных земель, являются в определенном смысле публичными» [3].

Публичный характер земельного налога определяется обязательностью всех его элементов и индивидуальной безвозмездностью. Арендная плата за землю представляет собой выражение договорной возмездности, которая усиливается обязательностью определения в договоре размера арендной платы. Договорный характер арендной платы за землю полностью сохраняется и в случае установления обязательности отдельных ее элементов. Возмездность землепользования и налогообложение земли составляют сущность платности землепользования в нашей стране» [4].

Согласно договору аренды земельного участка одна сторона (арендодатель) обязана предоставить другой стороне (арендатору) земельный участок за плату во временное владение и (или) пользование. Плоды, продукция и доходы, полученные арендатором при использовании арендованного земельного участка, признаются его собственностью. Договор аренды земельных участков наряду с наиболее общими положениями об аренде, которые закреплены в гл. 34 ГК РФ, содержит ряд специфических особенностей, установленных в ЗК РФ, иных федеральных законах, а также нормативных правовых актов субъектов РФ.

Предметом договора аренды выступает земельный участок, прошедший государственный кадастровый учет. В договоре обязательно указываются: местоположение, целевое назначение, кадастровый номер и иные признаки земельного участка, позволяющие его идентифицировать, плюс размер арендной платы. Эти данные (предмет и размер арендной платы) признаются существенными условиями договора, следовательно, в случае их отсутствия договор не считается заключенным согласно п. 3 ст. 607 ГК РФ и п. 12 ст. 22 ЗК РФ.

В договоре аренды присутствуют две стороны: арендодатель и арендатор. Арендодателями земельных участков могут выступать граждане – собственники земельных участков, в том числе граждане – предприниматели, ведущие крестьянское (фермерское) хозяйство; коммерческие юридические лица, являющиеся собственниками земельных участков; некоммерческие юридические лица – собственники земельных участков (например, общественные объединения); Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования; сами арендаторы в случае договора субаренды. Арендаторами земельных участков могут выступать любые юридические и физические лица, в том числе иностранные граждане.

Касаемо иностранных юридических лиц-арендаторов земельных участков законодатель более всего последователен к аренде категории земель

сельскохозяйственного назначения. В соответствии со ст. 3 «Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения» иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства, а также юридические лица, в уставном (складочном) капитале у которых доля граждан иностранных государств, зарубежных юридических лиц, а также лиц без гражданства составляет больше чем 50%, могут обладать земельными участками или долями в общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения исключительно на праве аренды.

Объектом аренды могут быть земельные участки из любых категорий земель, за исключением земель, изъятых из гражданского оборота и земель запаса (п. 4 ст. 27 ЗК РФ). К числу изъятых из оборота относятся участки, занятые объектами, состоящими в федеральной собственности, а именно: объектами организаций федеральной службы безопасности, федеральных органов государственной охраны; объектами использования атомной энергии, местами хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ; инженерно-техническими сооружениями, линиями связи и коммуникациями, возведенными в интересах защиты и охраны Государственной границы России, и т.д. Данный список представляется логичным, так как трудно объяснить разумность передачи в аренду, например, участка государственной границы.

Характеризуя объект аренды, необходимо подчеркнуть специфику аренды земельных участков в составе отдельных категорий земель. Так, свои особенности имеет договор аренды земельного участка в населенных пунктах для строительства из земель, состоящих в государственной или муниципальной собственности. Предоставление земельного участка в аренду для строительства может осуществляться на торгах также без проведения торгов, однако такой договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, будет заключаться на срок, превышающий в два раза срок, который установлен уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти в качестве срока, который необходим для выполнения инженерных изысканий и осуществления архитектурно-строительного проектирования и строительства сооружений, зданий. Вне зависимости от порядка заключения договора пользование арендованным земельным участком в населенном пункте должно реализовываться с соблюдением градостроительных регламентов, предусмотренных правилами землепользования и застройки. Собственники зданий, строений, сооружений вправе приобрести в собственность находящиеся у них на праве аренды земельные участки независимо от того,

в какое время заключался договор аренды этих земельных участков – до или после дня вступления в силу ЗК РФ.

Согласно п. 2 ст. 17 «Закона об особо охраняемых природных территориях» в целях организации рекреационной деятельности, в том числе физкультурно-оздоровительной и спортивной, земельные участки в соответствующих функциональных зонах могут предоставляться гражданам и юридическим лицам в аренду согласно земельному законодательству. Существуют особые правила аренды земельных участков из числа земель сельскохозяйственного назначения, участков из числа земель лесного и водного фонда и т.д.

Стороны договора определяют, на какой срок заключен договор аренды. Если срок не указан в договоре, он признается заключенным на неопределенный срок. В таком случае допускается, что одна из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону не менее чем за три месяца (ст. 610 ГК РФ). В законе могут устанавливаться максимальные (предельные) сроки договора для аренды отдельных видов имущества. Например, п. 3 ст. 9 «Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения» устанавливает максимальный срок аренды земель сельскохозяйственного назначения – 49 лет. В ЗК РФ не указаны предельные сроки аренды земельных участков, однако, закреплено положение о договоре аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности и состоящего в границах земель, зарезервированных для государственных и муниципальных нужд, в котором установлено, что договор заключается на срок, который не может превышать срок резервирования таких земель.

Отличительный признак договора аренды земельного участка заключается в его возмездном характере, из чего следует то, что за использование земельного участка арендатор обязан вносить арендную плату. Она может определяться сторонами в виде фиксированной денежной суммы, доли, полученной в результате использования земельного участка продукции, плодов и доходов, предоставления арендатором определенных услуг и т.д. Размер, условия и сроки внесения арендной платы за земельный участок, состоящий в частной собственности, будут устанавливаться договором аренды. Арендатор вправе требовать уменьшения размера арендной платы или расторжения договора аренды, возмещения причиненных ему убытков в случае предоставления ему арендодателем заведомо ложной информации об участке.

В законах четко разграничиваются правовые последствия аренды земельных участков на срок до одного года, свыше одного года, на срок более пяти лет. Так, договор аренды или субаренды земельного участка, заключенный на срок менее чем один год, не подлежит государственной регистрации за исключением случаев, установленных федеральными законами (п. 2 ст. 26 ЗК РФ). Следует иметь в виду, что в соответствии с п. 5 ст. 22 ЗК РФ допускается передача арендных прав третьему лицу без согласия собственника участка, однако при условии его обязательного уведомления, если иное не предусмотрено договором. Уведомление должно осуществляться в письменной форме (п. 3 ст. 382 ГК РФ). Особенности срока аренды, превышающего пять лет, касаются ситуации аренды земельного участка из числа государственных или муниципальных земель.

Порядок определения размера арендной платы, порядок, условия и сроки внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации, субъектов РФ или муниципальной собственности, устанавливаются соответственно Правительством РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления.

При аренде земель публичной собственности органы исполнительной власти устанавливают базовые размеры арендной платы по видам использования земель и категориям арендаторов, которые могут ежегодно пересматриваться в пользу увеличения или уменьшения. Базовые размеры арендной платы за землю определяются на основании действующих ставок земельного налога с применением коэффициентов в зависимости от ценности территории, целевого использования земель или категории арендаторов.

Из общего правила установлены исключения для представителей особых экономических зон. Особая экономическая зона – определяемая Правительством РФ часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности (ст. 2 ФЗ от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»). Особые экономические зоны созданы для целей развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции туризма, транспортной инфраструктуры и санаторно-курортной сферы. Различают четыре типа особых экономических зон: промышленно-производственные, которые создаются на участках территории, площадь которых составляет не более 20 кв. км; технико-внедренческие, создаваемые не более чем на двух участках территории, общая площадь которых составляет не более 2 кв. км; туристско-рекреационные, создаваемые на одном или нескольких участках территории,

определяемых Правительством РФ; портовые особые экономические зоны (их площадь не должна превышать 50 кв. км).

Из земель, находящихся исключительно в государственной и (или) муниципальной собственности, могут выделяться особые экономические зоны. Особая экономическая зона создается на 20 лет, исключая портовые экономические зоны (срок создания – 49 лет). Не подлежит продлению срок существования особой экономической зоны, но допускаются случаи, при которых он может быть досрочно сокращен.

Органы управления особыми экономическими зонами управляют и распоряжаются земельными участками в пределах ее территории на основании соглашения о создании особой экономической зоны в соответствии с законодательством. Земельные участки в пределах территории особой экономической зоны могут предоставляться во временное владение и пользование исключительно на основании договора аренды. В пределах территории особой экономической зоны арендаторы могут размещать объекты недвижимости и имеют право выкупа расположенных под указанными объектами земельных участков.

Максимальный размер арендной платы за земельные участки, предоставленные из особой экономической зоны на основе соглашения об осуществлении (ведении) технико-внедренческой, промышленно-производственной или туристско-рекреационной деятельности, определяется уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти. Арендная плата и иные платежи за земельные участки, расположенные в пределах территории особой экономической зоны, поступают в бюджет соответствующего уровня.

Договорные отношения носят свободный характер, в связи с чем стороны вправе изменить или расторгнуть их в любое время по взаимному согласию. Однако, в случае аренды земельного участка из состава государственных или муниципальных земель п. 9 ст. 22 ЗК РФ предусматривает ряд дополнительных гарантий прав арендатора как наиболее уязвимой стороны договора. Так, на арендатора в таком договоре распространяются права арендатора частных земель, предусмотренные п. 5 и 6 ст. 22 ЗК РФ, а также установленное в императивной форме запрещение на изменение условий договора аренды земельного участка без согласия арендатора либо иное ограничение его прав. При этом досрочное расторжение договора аренды, заключенного на 5 и более лет, по инициативе арендодателя, возможно только в судебном порядке и при существенном нарушении арендатором условий договора, т.е. нарушений, влекущих для арендодателя

такой ущерб, что он в большей степени лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора аренды (ст. 450 ГК РФ). Например, к таким нарушениям можно отнести несвоевременное внесение арендатором арендной платы (два и более раза подряд – ст. 619 ГК РФ).

Однако арендодатель должен представить суду доказательства, подтверждающие существенное нарушение договора аренды земельного участка со стороны арендатора. Обстоятельства, содержащиеся в ст. 619 ГК РФ, могут служить основанием для досрочного расторжения договора аренды земельного участка лишь в том случае, когда они могут быть расценены как существенные нарушения договора аренды земельного участка. Не является для арендодателя основанием для удовлетворения требования о досрочном расторжении договора аренды земельного участка сам факт существенного нарушения договора, если нарушение (его последствия) устранено арендатором в разумный срок (п. 23 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства»).

Необходимо иметь в виду, что, если земельный участок передан по договору аренды гражданину или юридическому лицу, арендатор земельного участка вправе отдать арендные права в залог в рамках срока договора аренды с согласия собственника данного участка. Залог прав аренды на земельный участок, находящийся в муниципальной и государственной собственности, арендатором такого участка допустим в пределах срока договора аренды с согласия собственника земельного участка. При аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет залог права аренды допускается без согласия собственника земельного участка при условии его уведомления (п. 1.1 ст. 62 «Закона об ипотеке (залоге недвижимости)»).

Развитие арендно-земельных отношений в России характеризуется тем, что возмездность договорного землепользования являлась обязательным условием его возникновения. Таким образом, арендная плата за землю имеет правовую природу договорного платежа.

Библиографический список:

1. Бородина Т.А. Функционирование земельных отношений в условиях городских поселений: дис. ... канд. экономич. наук. Чебоксары, 2006. 215 с.

2. Бызова И.А. Совершенствование экономической политики местного самоуправления за счет эффективного использования земельных и имущественных ресурсов: дис. ... канд. экономич. наук. М., 2009. 173 с.
3. Воинов В.В., Можаяев И.С., Хаустов Д.В., Шаповалов С.Ю. Актуальные проблемы расчета платы при переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования и при приобретении собственниками недвижимости находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков // *Экологическое право*. 2005. № 6.
4. Добрачев Д.В. Размер арендной платы как существенное условие договора аренды земельного участка // *Журнал российского права*. 2005. №7.
5. Жевлакович М.С. Институт аренды земельных участков в российском законодательстве и законодательстве государств-членов Европейского Союза: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 319 с.
6. Панасенкова Т.В. Трансформация системы земельно-имущественных отношений современной России: автореф. дис. ... д-ра. экономич. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 42 с.
7. Пылаева А.В. Проблемы классификации объектов для целей кадастровой оценки и налогообложения недвижимости // *Налоговая политика и практика*. 2011. № 8. С. 31-33.
8. Скуфинский О.А. Оценка городских земель для целей налогообложения и иных государственных целей: дис. ... канд. экономич. наук. Воронеж, 2000. 197 с.
9. Тумаланов Н.В. Экономическая природа земельной ренты: дис. ... д-ра. экономич. наук. Чебоксары, 2006. 328 с.
10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-02.htm (дата обращения: 06.10.2018).
11. Ялбулганов А.А. Правовое регулирование земельного налога в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 295 с.

Maryin E.V. **Legal security of land rent**

The article is devoted to the analysis of charging rent for land, analyzed the positive and negative aspects of the establishment and collection of this fee in domestic practice.

Keywords: rent, treasury, budget, land.

Современные подходы к регулированию уголовно-правовых отношений

УДК 343.2

И.Б. Малиновский, Д.С. Сурикова

Уголовно-правовые средства противодействия проявлениям терроризма

Аннотация:

Рассматриваются вопросы о сущности терроризма как негативного социального явления и особенностях противодействия преступлениям террористического характера, а также проблемы совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: терроризм, ответственность, уголовное право, террористический акт, экстремизм.

Об авторах: Малиновский Игорь Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», и. о. заведующего кафедрой уголовного права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта baltika190@mail.ru

Сурикова Дарья Сергеевна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: darya.surikova.95@mail.ru

Эффективное противодействие преступлениям террористического характера, приобретающим все большие масштабы, разнообразие форм и средств совершения – одна из актуальнейших задач, стоящих перед любым государством. Такие преступления всегда вызывают большой общественный резонанс, влекут за собой многочисленные человеческие жертвы и разрушения. Они могут быть совершены в любой момент и в любом месте, и никто не может считать себя защищенным от них.

К проявлениям террористической деятельности можно отнести события 11 сентября 2001 года в США, террористический акт в театре на Дубровке в 2002 году в Москве, события в сентябре 2004 года в Беслане, взрывы в метрополитенах Москвы и Санкт-Петербурга в 2010 и 2017 годах, взрывы в Московском аэропорту «Домодедово»,

преступление, приведшее к катастрофе авиалайнера, выполнявшего рейс Шарм-эль-Шейх – Санкт-Петербург в 2015 году.

Несмотря на то, что количество преступлений террористического характера в абсолютных показателях ниже, например, преступлений против жизни или здоровья личности, следует учитывать их повышенную общественную опасность и существенное дезорганизующее воздействие, оказываемое на нормальное функционирование общества и государства.

Исходя из статистических данных по состоянию террористической и экстремистской преступности в России с 2008 по 2017 годы можно сделать вполне обоснованный вывод об относительной распространенности такого рода преступлений и росте их количества, особенно в последние годы.

Так, в 2008 г. было зафиксировано 642 террористических общественно опасных деяния, 2009 год характеризуется совершением 654 террористических преступлений, за 2010 год зарегистрировано 581 преступление террористической направленности, в 2011 году - 622 преступления террористического характера. В 2012 году было зафиксировано 637 преступления террористической направленности. 2013 год характеризуется 661 преступлением террористического характера. Начиная с 2014 года, отмечается резкое увеличение преступлений подобного рода. В 2014 году было зафиксировано 1127 преступлений террористического характера, а в 2015 году таких преступлений насчитывалось уже 1531. В 2016 г. было зафиксировано 2227 террористических проявлений. В 2017 году количество преступлений террористического характера снизилось на 16%, и составило 1823 эпизода. В нынешнем же году в РФ уже зарегистрировано 1 тыс. 871 преступление террористического характера [4].

В русском языке сам термин «терроризм» появилось относительно не так давно, потому что значительных прецедентов совершения подобного рода деяний Россия не знала до второй половины XIX века. Тем не менее первые упоминания о терроризме как явлении даются И.И. Татищевым в русско-французском словаре 1816 года, где данное понятие трактуется как «грозная система правления» [3]. Толкование терроризма, более напоминающее современное его понимание, впервые дается в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгаузем и И.А. Ефроном, которые раскрывают содержание данного понятия как «совершение массовых убийств с целью нагнетания страха» [8, с.69-81].

Среди ученых существуют различные точки зрения по поводу содержания данного негативного социального явления. По мнению ученого-криминолога А. Шмидта,

терроризм выступает как метод борьбы с обществом и государством, в котором жертвы служат не конечной, а символической целью. Тем самым, террористы создают постоянное чувство страха путем использования насилия против нормативного поведения людей [7]. Именно это и создает постоянную потенциальную угрозу.

Профессор А.Э. Жалинский предлагал ограничить понятие терроризма теми случаями, когда в основе соответствующих насильственных действий лежит стремление преступника изменить существующий правопорядок [1, с. 23].

В настоящее время в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» дается законодательное определение данного понятия, в соответствии с которым «терроризм» представляет собой идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Что же касается деяний, посредством которых реализуется данная идеология, то в соответствии с ч. 2 вышеуказанной статьи они включают в себя:

- а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности [6].

Исходя из повышенной общественной опасности, вышеуказанные деяния криминализованы в ст. ст. 205-205.5 главы 24 Особенной части УК РФ, которые довольно детально закрепляют признаки уголовно-наказуемых деяний террористического характера. Сложившаяся судебная практика позволяет сделать вывод о том, что действующее российское уголовное законодательство в целом соответствует целям реализации уголовной политики в области противодействия терроризму.

Характеризуя содержание основного состава преступления террористического характера, закрепленного в ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт» (обладающего наибольшей общественной опасностью), необходимо выделить следующие его особенности:

а. наличие двойного объекта преступного посягательства, т.е. данное преступление посягает не только на основы общественной безопасности, но и на законные права и интересы граждан, охраняемые законом интересы общества и государства;

2) в отношении граждан, организаций, общества и государства совершаются активные действия, создающие реальную угрозу гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных тяжких последствий для противостоящей стороны, применяется насилие в той или иной форме, либо угроза его использования;

3) данные действия обладают устрашающим воздействием на население, то есть существенно дезорганизуют нормальную деятельность государственных и муниципальных органов, порождая у людей опасения за свою жизнь и здоровье, а также за жизнь и здоровье своих близких;

4) в связи с повышенной общественной опасностью уголовная ответственность за преступления террористического характера согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ наступает с 14 лет (это объясняется не только тем, что часто в террористических организациях и всевозможных террористических акциях принимают участие несовершеннолетние лица, но в то же время они уже в этом возрасте осознают общественную опасность и возможные общественно опасные последствия своих действий).

5) данное преступление характеризуется умышленной формой вины и наличием специальной цели – дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений.

Наибольшую опасность представляют преступления, совершенные в составе группы лиц. Особо следует отметить случаи, когда преступления террористического характера совершаются в составе организованной группы или преступного сообщества. Это обусловлено тем, что подобного рода преступления характеризуются тщательной предварительной подготовкой, использованием взрывчатых веществ или источников повышенной опасности и влекут за собой широкий спектр негативных тяжких последствий. Данное обстоятельство учтено законодателем, в связи с чем в ч. 2 ст. 205 УК РФ в качестве квалифицирующего признака террористического акта предусмотрено

совершение его группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Кроме того, ст. 205.4 УК РФ предусматривает в качестве оконченого преступления сам факт создания террористического сообщества или участия в нем, а ст. 205.5 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за организацию деятельности террористической организации или участие в ее деятельности.

В целях нейтрализации негативных тяжких последствий или их существенного уменьшения законодателем предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием виновного лица. Лицо, участвовавшее в совершении преступлений, предусмотренных ст.205, ст. 205.1, ст. 205.3, ст. 205.4 и ст. 205.5 УК РФ освобождается от уголовной ответственности, если оно прекратило дальнейшую преступную деятельность и оказало существенное содействие правоохранительным органам.

При всей важности положений, закрепленных в примечаниях к вышеуказанным статьям, их распространение на преступления террористического характера, обладающие повышенной общественной опасностью (квалифицированные составы, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 205 УК РФ) выглядит не вполне обоснованно. Процесс криминализации общественно опасных деяний должен сопровождаться оптимальной дифференциацией уголовной ответственности, при которой учитывается соответствие изменения уголовной ответственности изменению общественной опасности деяния и лица, его совершившего, а также другими важными обстоятельствами [2].

По нашему мнению, полное освобождение лица от ответственности за вышеуказанные преступления террористического характера является нецелесообразным, так как существенно уменьшает вероятность достижения не только социальной справедливости, но и исправление виновного лица, а также предупреждение совершения им новых преступлений (специальная превенция).

Исходя из вышеизложенного, необходимо внести редакционные изменения в Примечание к ст. 205 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности при определенном посткриминальном поведении лица следует предусмотреть за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ, а за преступления, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 205 УК РФ – только освобождение от наказания.

В этой связи Примечание к ст.205 УК РФ следует изложить в следующей редакции:

Лицо, участвовавшее в совершении действий, предусмотренных ч. 1 данной статьи, освобождается от уголовно ответственности, если оно своевременным

предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления;

Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 2 и ч. 3 данной статьи – освобождается от наказания, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Библиографический список:

1. Жалинский А.Э. Криминологическая характеристика терроризма в России // Национальная безопасность. 2012. № 2. С.22-29.
2. Кривошеева О.А. Некоторые особенности уголовно-правовой ответственности за совершение преступлений, связанных с осуществлением террористической деятельности [Электронный ресурс] // Уголовно-исполнительная система России: Проблемы и перспективы. 2015. С. 127-129.
3. Матюшов А.М. Развитие понятия терроризм в истории уголовного права России // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. IV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 312 с.
4. Портал правовой статистики МВД РФ. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 23.09.2018).
5. Уголовный кодекс РФ 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.
6. Федеральный закон от 13.08.2001 № 35-ФЗ (ред. от 6.7.2016) «О противодействии терроризму» // СЗ. 2006. № 11. Ст. 1146.
7. Шмидт А.А. Проблемы квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 101-106.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIII. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1901. 498 с.

Malinovskiy I.B., Surikova D.S. **Criminally-legal means of counteraction to manifestations of terrorism**

The matters of terrorism nature as the extremely negative social phenomenon and specific means of counteraction to terrorist crimes as well as the problems of improvement the criminal legislation in this sphere are considered in the article.

Keywords: Terrorism, responsibility, criminal law, terrorist act, extremism.

УДК 343.3

И.Б. Малиновский

Реализация антикоррупционной политики в современных условиях

Аннотация:

Рассматриваются вопросы об использовании уголовно-правовых средств в области реализации антикоррупционной политики в современных условиях и решению имеющихся задач по их совершенствованию.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, уголовно-правовые средства противодействия коррупции, коррупционное преступление.

Об авторе: Малиновский Игорь Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», и. о. заведующего кафедрой уголовного права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: baltika190@mail.ru

В свете осуществляемого в Российской Федерации построения развитого демократического общества и государства особую значимость и актуальность приобретает эффективная деятельность существующего аппарата власти и управления. Значимость правовых средств при этом заключается не только в детальной регламентации функционирования вышеуказанных структур в соответствии с интересами личности, общества и государства, но и в возможности эффективного предупреждения и пресечения правовыми средствами возможных злоупотреблений или халатного отношения к своим служебным обязанностям со стороны лиц, осуществляющих законодательную, судебную или управленческую деятельность.

Обеспечение эффективного противодействия коррупции во всех сферах жизни общества и функционирования государства выступает в качестве одного из приоритетных направлений данной деятельности [3]. Это обусловлено масштабами и особым негативным влиянием данного социально-правового явления на нормальное функционирование общества и государства, а также на осуществляемые в Российской Федерации социально-экономические и политические преобразованиями. Особенное значение данная деятельность приобретает в современных условиях, в период существенного обострения экономических и политических противоречий в мире.

Учитывая, что коррупция обладает свойством, при отсутствии постоянного и эффективного противодействия, расширяться и мимикрировать, можно сделать обоснованный вывод о том, что антикоррупционная функция государства выступает в настоящее время как одно из направлений реализации его базовых задач. В процессе решения данной задачи речь идет как о создании механизмов, позволяющих уменьшить масштабы коррупции в краткосрочном (тактическом) плане, так и о выработке и проведении долгосрочной (стратегической) линии по повсеместному ограничению и вытеснению коррупции в обществе и государстве.

В связи с тем, что данная деятельность, в первую очередь, должна осуществляться специально на то уполномоченными органами государства, то ее можно обозначить как антикоррупционную политику государства.

Современную политику России в сфере противодействия коррупции можно охарактеризовать следующим образом – *это система политико-правовых отношений, юридических норм, идей, взглядов, реализующихся в принципах, направлениях, формах и способах деятельности ее субъектов по противодействию коррупции в сфере осуществления государственной и муниципальной власти, а также корпоративных интересов* [1, с.18].

По своему содержанию *антикоррупционная политика* представляет собой разработку и осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества по пресечению и предупреждению коррупционных правонарушений, устранению (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в различных сферах общественной и государственной жизни, формирование у населения устойчивых антикоррупционных установок.

Целью антикоррупционной политики является существенное снижение уровня коррупции и обеспечение действенной защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства от угроз, связанных с коррупцией.

Достижение данной цели обеспечивается не только путем обеспечения неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения во всех случаях, прямо предусмотренных соответствующими нормативными правовыми актами, но и выявлением причин и условий, способствующих появлению и росту коррупции для их устранения, а также максимально возможного возмещения вреда, причиненного коррупционными правонарушениями.

Правовой основой деятельности по противодействию коррупции выступают принятые 25 декабря 2008 г. Федеральный закон «О противодействии коррупции» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции», а также принятые, во исполнение и дальнейшего развития положений данного закона, ряд Федеральных законов и подзаконных нормативных актов.

Особое значение среди подзаконных нормативно-правовых актов, определяющих содержание антикоррупционной политики РФ, имеет «Национальный план противодействия коррупции», принимаемый посредством Указа Президента РФ на двухлетний период. Именно в нем находят свое закрепление конкретные задачи, подлежащие решению в течение указанного периода, способствующие повышению эффективности деятельности по противодействию коррупции, определяются необходимые средства и способы воздействия, и устанавливаются ответственные за их решение структуры. В настоящее время действует «Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы», который был утвержден Указом Президента РФ № 378 от 29 июня 2018 г.

Учитывая, что коррупция – явление социально-правовое, основными средствами, используемыми в процессе решения данных задач, выступают меры правового регулирования, посредством которых и устанавливается система запретов, ограничений и требований к лицам, осуществляющим государственно-властные и управленческие функции. Значимую роль при этом играют меры уголовно правового воздействия, посредством которых осуществляется воздействие на наиболее общественно опасные проявления коррупции.

Закономерным является вопрос о том, насколько действующее уголовное законодательство соответствует потребностям данной деятельности в свете осуществляемых социальных и экономических преобразований и какие изменения в этой связи необходимы.

В «Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы» сформулированы следующие задачи, имеющие непосредственное отношение к уголовному законодательству РФ:

1) совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

2) систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции [2].

Когда речь идет о совершенствовании системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, то следует отметить следующие моменты, подлежащие разрешению:

- совершенствование мер ответственности в отношении лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, за несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

- разработка предложений по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих случаи, когда несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, вследствие обстоятельств непреодолимой силы не является правонарушением.

В области систематизации и актуализации нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранения пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции следует отметить следующие моменты:

- подготовка проекта федерального закона, предусматривающего включение лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в хозяйственных обществах, долями в уставном капитале которых прямо или косвенно (через одно или несколько юридических лиц) владеет Российская Федерация или субъект Российской Федерации, в перечень должностных лиц, предусмотренный примечаниями к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации;

- подготовка предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества.

Ограниченные объемом данной работы, мы рассмотрим задачи по «совершенствованию мер ответственности в отношении лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, за несоблюдение запретов, ограничений и

требований, установленных в целях противодействия коррупции» и «подготовке предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества».

Точки зрения среди криминологов на пути решения первой из вышеуказанных задач существенно различаются между собой: от предложений по введению в УК РФ ряда новых составов до осуществления незначительных редакционных изменений в уже имеющихся уголовно-правовых нормах.

В качестве правовой основы, на которой должна базироваться данная деятельность, будет выступать сложившаяся в РФ система законодательства, регламентирующая деятельность по противодействию коррупции и в первую очередь, Федеральный закон «О противодействии коррупции»

В соответствии с п. «а» ст. 1 данного закона к формам проявления коррупции относят *«злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»* [6].

Анализируя данное законодательное определение, следует отметить, что оно не содержит исчерпывающего перечня коррупционных деяний, но в то же время закрепляет критерии, посредством которых можно выделить таковые из числа уголовно-наказуемых деяний:

1) в процессе их совершения незаконно используются полномочия, предоставленные виновным лицам по службе (за исключением предоставления определенных выгод в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав);

2) они совершаются из корыстной или иной личной либо узкогрупповой (корпоративной) заинтересованности.

В УК РФ 1996 года можно выделить две главы Особенной части, в которых предусмотрены преступления, в полной мере отвечающие вышеуказанным критериям:

1) глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»;

2) глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах государственного управления».

Все интересующие нас составы преступлений, которые с полным на то основанием можно отнести к коррупционным, характеризуются следующими особенностями.

Во-первых, в качестве основного непосредственного объекта уголовно-правовой охраны, являющегося частью родового, выступают общественные отношения, посредством которых реализуются интересы службы в коммерческих или иных организациях либо интересы государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Кроме того, ряд составов преступлений посягают в обязательном порядке, кроме основного непосредственного объекта, также на общественные отношения, обеспечивающие реализацию прав и законных интересов граждан и организаций, охраняемых законом интересов общества и государства.

Во-вторых, общественно опасное деяние, предусмотренное объективной стороной всех вышеуказанных составов, совершается посредством противоправного использования виновным своих служебных полномочий (за исключением дачи взятки и коммерческого подкупа). Это означает необходимость установления наличия следующих обстоятельств, его характеризующих:

а) лицо, его совершающее, должно находиться при исполнении своих служебных функций, т.е. на службе;

б) в процессе его совершения должны быть использованы права, предоставленные виновному по службе, либо не выполнены возложенные на него служебные обязанности;

в) служебные полномочия используются виновным вопреки интересам службы, то есть вопреки установленному конкретными нормативными актами порядку их реализации (установление данного обстоятельства вызывает наибольшие проблемы в правоприменительной деятельности, так как невозможно обеспечить детальную регламентацию служебной деятельности всех государственных или муниципальных служащих, а равно служащих коммерческих и иных организаций) [1, п.15].

В-третьих, субъектом данных составов преступлений выступают физические вменяемые лица, достигшие установленного законом возраста и обладающие некоторыми особенностями – определенным правовым статусом (за исключением составов

преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 204, ст. 291 и ст. 291.1 УК РФ): лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации (глава 23 Особенной части УК РФ); должностные лица, государственные или муниципальные служащие (глава 30 Особенной части УК РФ).

В-четвертых, данные составы характеризуются умышленной формой вины в виде прямого или косвенного умысла. Наличие корыстной заинтересованности является общеобязательным признаком субъективной стороны (хотя в подавляющем большинстве составов данный признак не предусмотрен в качестве конституционного), так как именно это обстоятельство используется в настоящее время в качестве одного из критериев отнесения преступления к коррупционным.

В качестве существенного недостатка анализируемого нами законодательного определения следует указать на то обстоятельство, что совершение подобного рода деяний из личной или узкогрупповой (корпоративной) заинтересованности, не позволяет отнести их с полным на то основанием к преступлениям коррупционного характера.

Необходимо также отметить, что и в иных главах Особенной части УК РФ предусмотрены составы преступлений, которые наряду с присущими только им признаками состава, также характеризуются вышерассмотренными особенностями.

В первую очередь к данным преступлениям, с полным на то основанием, следует отнести составы, предусмотренные ст. 169, ст. 170, ст. 170.2, ст. 185.2, ст. 189, ст. 199, ст. 199.1, 199.4, ст. 228.2, ст. 299, 300, 301, , ч. 2 ст. 303, 305 ст. 315 и рядом других статей УК РФ.

Их особенностью является то, что в качестве дополнительного непосредственного объекта выступает не весь спектр общественных отношений, охраняемых нормами главы 23 и главы 30 Особенной части УК РФ, а только часть - то есть те из них, посредством которых реализуются интересы службы, нарушенные виновным в процессе совершения данного преступного посягательства. Соответственно, и в качестве субъектов данных составов преступлений могут выступать лишь некоторые из служащих коммерческих или иных организаций, либо должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, которые наделены соответственными полномочиями (например: должностное лицо, осуществляющее регистрацию предпринимательской или иной деятельности, а равно регистрирующее сделки с землей; следователь, прокурор или судья; лицо, обязанное в силу своих служебных полномочий исполнить приговор суда, решение суда или иной судебный акт и т. п.). Данные составы преступлений выступают в качестве

специальных по отношению к составам, предусмотренным в главе 23 и главе 30 Особенной части УК РФ.

Во вторую очередь следует выделить составы, в которых вышеуказанные обстоятельства выступают в качестве квалифицирующих признаков, то есть повышающих степень общественной опасности совершенного деяния. К данным преступлениям относятся составы, предусмотренные ч. 3 ст.159 УК РФ, а также ч. 3 ст. 159.1-6 (мошенничество с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата с использованием своего служебного положения), п. «б» ч. 3 ст. 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления с использованием своего служебного положения), п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем с использованием своего служебного положения), ч. 2 ст. 178 УК РФ (недопущение, ограничение или устранение конкуренции с использованием своего служебного положения), п. «б» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий, совершенная должностным лицом с использованием своего служебного положения).

Что же касается особенностей уголовной ответственности лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, за несоблюдение запретов, то данное обстоятельство выступает в качестве признака квалифицированного состава в преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 2 ст. 287 и ч. 4 ст. 290 УК РФ.

В результате проведенного нами анализа можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что нормы, предусмотренные действующим УК РФ, в целом обеспечивают достаточно эффективное противодействие коррупции посредством установления уголовно-правового запрета. В то же время особый правовой статус субъекта влияет на правовую оценку содеянного только применительно к четырем вышеуказанным составам. На наш взгляд, подобная ситуация влечет за собой недооценку общественной опасности преступления, совершенного лицом, замещающим в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации.

Федерации, а также самого лица, что не обеспечивает достижение социальной справедливости в процессе реализации уголовной ответственности.

В этой связи считаем необходимым рекомендовать законодателю внести в ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» дополнительный пункт – о.1) совершение преступления лицом, замещающим в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, с использованием своего служебного положения.

Применительно к подготовке предложения по совершенствованию УК РФ в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества, то здесь следует отметить довольно широкую распространенность случаев вымогательства незначительных по стоимости подношений имущественного характера за оказание совершения правомерных действий по службе. Следует отметить, что в этом случае преступление посягает и на второй непосредственный объект – общественные отношения, посредством которых реализуются законные права и интересы граждан или организаций, либо охраняемые законом интересы общества и государства. Кроме того, нередки случаи, когда подношения имущественного характера предоставляются должностному лицу за совершение неправомερных действий. Как и в первом случае, данное деяние обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с основным составом, однако это не учитывается в процессе его правовой оценки.

С учетом вышеизложенных положений, считаем необходимым изложить ч. 2 ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество» в следующей редакции:

Те же деяния совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1 настоящего Кодекса, либо настоящей статьей, а равно за незаконные действия (бездействие) либо получение взятки лично или через посредника, совершенное с вымогательством взятки – наказывается.

Библиографический список:

1. Карпович О.Г., Малиновский И.Б., Трунцевский Ю.В. Полномочия подразделений органов внутренних дел (полиции) в противодействии коррупции: Учебно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.:ЮНИТИ, Закон и право, 2015.

2. Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы: Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 // Российская газета. 3 июля 2018 г.
3. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 19 мая 2009 г.
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 30 октября 2009 г.
5. Уголовный кодекс РФ 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52.

Malinovskiy I.B. Realization of Anti-corruption policy in present conditions

In the article the matters of use of criminally-legal means in the field of realization of anti-corruption policy in modern conditions and matters of solution of available tasks of their improvement are considered.

Keywords: anti-corruption policy, criminally-legal means of counteractions of corruption, corruption crime.

УДК 343.3

А.М. Рябиков, А.И. Глушков

**К вопросу об особенностях субъективной стороны должностных преступлений,
совершаемых сотрудниками таможенных органов РФ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу правовой основы уголовной ответственности за совершение должностных преступлений сотрудниками таможенных органов Российской Федерации, урегулированных нормами уголовного законодательства РФ. Автором выделены специфические особенности субъективной стороны должностного преступления, совершаемого сотрудниками таможни, а также предпринята попытка устранения терминологических противоречий.

Ключевые слова: уголовная ответственность, субъективная сторона должностного преступления, должностное лицо, должностное преступление, квалификация должностных преступлений, коррупция.

Об авторах: Рябиков Артём Михайлович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ryabikov.artiom@mail.ru

Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор Государственного университета «Дубна», заведующий кафедрой уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: profglushkov@mail.ru

Вступление в законную силу 12.08.2017 г. Договора о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) и 01.01.2018 г. Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [12] повлекло за собой ряд серьезных проблем теоретического и правоприменительного характера, связанных с необходимостью устранения противоречий (в том числе терминологических), возникших между федеральным и международным законодательством. Кроме того, реализация указанных нормативных актов актуализировала сложности осуществления таможенного контроля, которые для следственных и судебных органов создают серьезные трудности в

части уголовно-правовой оценки противоправных действий должностных лиц таможенных органов.

Субъективная сторона должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов, имеет ряд характерных особенностей. Именно от правильного установления вида и формы вины зависит юридическая квалификация того или иного преступления, что непосредственно влияет на вид и размер уголовного наказания, назначаемого судом.

Не вдаваясь в дискуссионные вопросы, касающиеся всех сторон названного элемента состава преступления, раскроем общетеоретическое содержание интеллектуального и волевого момента умысла и неосторожности.

Анализ законодательных определений умысла и неосторожности, приводимых в ст. 24-27 УК РФ [15], показал, что интеллектуальный момент умысла сводится к следующим двум элементам: 1) осознание лицом общественной опасности своего действия (бездействия); 2) предвидение неизбежности (для прямого умысла) или возможности наступления общественно-опасных последствий.

Содержание волевого момента также складывается из двух альтернативных элементов: 1) для прямого умысла – желание наступления общественно-опасных последствий; 2) для косвенного умысла – не желание, но сознательное допущение или безразличное отношение к наступлению общественно опасных последствий.

Вместе с тем в уголовно-правовой литературе рядом авторов высказывалось мнение о необходимости дополнения волевого компонента косвенного умысла указанием на безразличное отношение субъекта правонарушения к последствиям [7, с. 108-109]. Так, В.И. Динька, утверждает, что мотив умышленного должностного преступления – это определенное эмоциональное состояние виновного, которое в его представлении о конечном результате преступной деятельности и является побуждающим стимулом к совершению общественно-опасного деяния [5, с. 219].

На основе приведенных теоретических предпосылок проанализируем общие правоприменительные проблемы, возникающие при установлении содержания субъективной стороны должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможни, которые появляются при правовой оценке отдельных составов рассматриваемой категории общественно опасных деяний.

Интеллектуальный момент субъективной стороны всех составов должностных преступлений заключается в осознании должностным лицом наличия у него

соответствующего должностного положения и совершения им деяния с использованием своего должностного положения [4, с. 151]. Данное положение полностью применимо к должностным преступлениям, совершаемым сотрудниками таможенных органов.

Правовой статус должностных лиц таможенных органов и содержание их противоправных деяний определяются запретами, содержащимися в огромном массиве нормативных правовых актов, среди которых центральное место теперь принадлежит ТК ЕАЭС, иным правовым актам Таможенного Союза, Федеральному закону от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации», Федеральному закону № 79-ФЗ от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [16, 17] и др. Не менее существенное значение имеют ведомственные акты ФТС России, таможенных управлений и таможен, а также «профили риска». Соответственно, интеллектуальный момент вины определяется осознанием должностным лицом содержания указанных правовых актов.

В судебной практике объективным показателем осознания должностным лицом таможен общественной опасности совершенного им деяния является наличие его подписи в листе ознакомления с соответствующим правовым актом. Это обстоятельство в отдельных случаях при осуществлении правовой оценки действий сотрудника таможни доводится до абсурда, когда, например, отказывая в возбуждении уголовного дела, следственные органы приводят следующий аргумент: должностное лицо не ознакомлено с должностной инструкцией (должностным регламентом) или иным правовым актом, а это является обстоятельством, исключающим наличие его вины в совершенном общественно опасном деянии.

Так, начальник таможенного поста А. не обеспечил надлежащую организацию правильности проведения таможенного контроля товара, ввозимого на таможенную территорию Союза, не составил поручение о проведении таможенного досмотра, что повлекло выпуск товара без уплаты таможенных платежей в крупном размере. В ходе проведения проверки следственным органом установлено, что в кадровом подразделении отсутствовал лист ознакомления А. с должностным регламентом. Это обстоятельство послужило основанием для отказа в возбуждении уголовного дела.

Между тем, в такой ситуации необходимо говорить не об уголовно-правовых проблемах квалификации деяния, а о криминалистических сложностях тактики доказывания вины субъекта правонарушения.

В силу изложенных обстоятельств полагаем, что наличие, либо отсутствие данных

об ознакомлении виновного с содержанием правового акта как нормативного, так и ненормативного характера, не может быть индикатором наличия, либо отсутствия вины, поскольку в ряде случаев ознакомление с документами имеет формальный характер и не означает знания лицом тех или иных правил. Равным образом, отсутствие подписи в листе ознакомления может быть следствием умышленного поведения склонных к совершению правонарушений должностных лиц, преследующих таким образом цель избежать уголовной ответственности.

Так, при проверке инспектором Шibaковым Е.В. заявления о таможенном оформлении транспортного средства «TOYOTA TUNDRA» с предоставлением льгот по уплате таможенных платежей, им было принято решение по выпуску товара и освобождению от уплаты таможенных платежей. На оборотной стороне решения инспектор проставил личную номерную печать и составил запись о выпуске товара. Отметим, что согласование данного вопроса с начальником таможни не предусмотрено таможенным законодательством.

Между тем свидетельство о регистрации транспортного средства на литовском языке содержало противоречивые сведения о физическом и юридическом лице собственнике автомобиля, следовательно, законных оснований для предоставления льгот не имелось. Инспектору Шibaкову Е.В. для устранения данных противоречий необходимо было провести дополнительные проверочные мероприятия и при таких обстоятельствах отказать в предоставлении льгот по оплате таможенных платежей. Однако он не сделал соответствующих запросов о принадлежности транспортного средства, а осуществил выпуск транспортного средства с освобождением от уплаты таможенных платежей в сумме 2 567 627,30 рублей, и выдал на автомобиль ПТС [1]. Его действия были квалифицированы как халатность по ч. 1 ст. 293 УК РФ.

Использование рекомендаций по установлению интеллектуального аспекта вины должностного лица таможенного органа, на наш взгляд, позволит разрешить ряд важных моментов. А именно: 1) изменить стереотип, в соответствии с которым индикатором осознания лицом противоправности своего деяния является наличие его подписи в листе ознакомления с соответствующим правовым актом, 2) уменьшить количество ошибок со стороны сотрудников правоохранительных органов, следствием которых является как необоснованное освобождение от уголовной ответственности, так и в отдельных случаях – объективное вменение эпизодов преступной деятельности.

В силу изложенных обстоятельств при установлении интеллектуального аспекта

вины должностного лица таможенного органа необходимо учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, в том числе наличие сведений о соблюдении ранее этим должностным лицом установленного порядка проведения таможенного оформления и контроля, опыта работы, а также информацию о возможном факте нарушения таможенного законодательства со стороны участника внешнеэкономической деятельности.

Рядом авторов отмечается неопределенность в установлении вида умышленной вины в составах злоупотребления и превышения полномочий. Субъективная сторона такого рода преступлений характеризуется прямым или косвенным умыслом [9, с. 652-654]. В юридической печати представлена и достаточно спорная позиция, согласно которой рассматриваемое деяние совершается с двойной или смешанной формой вины. Видится ошибочной точка зрения авторов, утверждающих, что анализируемое противоправное деяние может быть совершено только с прямым умыслом.

Учитывая, что исследуемый состав преступления по конструкции своей объективной стороны является материальным, в нем необходимо учитывать психическое отношение лица не только к выполнению деяния (действия или бездействия), но и к наступившим общественно опасным последствиям. Если по отношению к своему деянию виновный действительно действует только с прямым умыслом, то по отношению к наступлению общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства вполне допустим косвенный умысел.

Не всегда верно судебными и следственными органами определяется содержание мотива рассматриваемых преступлений в виде корыстной или иной личной заинтересованности. В соответствии с п. 16 Постановления Пленума ВС РФ [5], корыстной заинтересованностью является стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц. Из этого можно заключить, что согласно позиции Верховного суда РФ корыстная заинтересованность представляет собой стремление извлечь выгоду имущественного характера не только для самого должностного лица, но и для третьих лиц.

Подробное определение корыстной заинтересованности встречается и в научной литературе. Например, Б.В. Волженкин утверждает, что «злоупотреблением

должностными полномочиями из корыстной заинтересованности следует считать такие неправомерные действия должностного лица, которые совершены с целью получения имущественной выгоды без незаконного безвозмездного обращения чужого имущества в свою собственность или собственность других лиц» [3, с. 461]. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении главного государственного таможенного инспектора отдела таможенного оформления и таможенного контроля Астраханского таможенного поста Шмагина А.А., который дважды оказал пособничество своему коллеге в злоупотреблении должностными полномочиями. Об иной личной заинтересованности свидетельствует стремление извлечь выгоду неимущественного характера через содействие своим коллегам по работе [11].

Анализируя различные доктринальные точки зрения по данному вопросу, а также судебную практику, В.А. Мерзлякова делает вывод, что «корыстная заинтересованность должностного лица при злоупотреблении должностными полномочиями будет заключаться в том, что лицо незаконно, путем злоупотребления своих полномочий, стремится получить для себя или в собственность других лиц выгоду в виде имущества, материальных ценностей, принадлежащих третьим лицам на правах безвозмездного пользования либо приобретение права временного пользования, распоряжения данным имуществом по своему усмотрению» [8, с.137-138.].

Такое определение содержания корыстной заинтересованности привело к тому, что при рассмотрении конкретных уголовных дел в отношении должностных лиц таможенных органов суды указывают, что должностное лицо действовало в интересах третьих лиц, круг которых не установлен, что нельзя признать допустимым.

Полагаем, что общественная опасность данного преступления заключается в том, что противоправное поведение является средством удовлетворения личных интересов. [19, с. 2]. Такие же тенденции в сфере должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможни, присущи и зарубежному законодательству [18, с. 44-45; 20, с. 482-490].

В свете рассматриваемых проблем необходимо отметить, что формулировка законодателя по поводу «корыстной или иной личной заинтересованности» с точки зрения правил лексики предполагает, что корыстная заинтересованность является разновидностью личной заинтересованности. При этом согласно толковому словарю русского языка одно из лексических значений слова «личный» определяется как

«затрагивающий интересы какого-либо лица», «касающийся только его», «касающийся непосредственно какого-нибудь лица» [13, с. 376; с. 475].

Согласно абз. 2 п. 16 Постановления Пленума ВС РФ [10], иной личной заинтересованностью является стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленную карьеризмом, семейственностью, желанием приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п. Б.В. Волженкин к иной личной заинтересованности также относит месть, зависть, тщеславие, стремление уйти от уголовной ответственности за допущенные ошибки и недостатки в работе [2, с. 83].

Учитывая изложенное, можно констатировать следующее: содержание вины должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов, представляет собой отражение в сознании должностного лица фактических признаков, характеризующих объект и объективную сторону данной категории преступлений. Они, в свою очередь, определяются содержанием огромного массива правовых актов, центральное место среди которых принадлежит ТК ЕАЭС, иным актам Таможенного Союза, национальному законодательству (№ 114-ФЗ и № 79-ФЗ и др.). Кроме того, существенное значение имеют ведомственные акты ФТС России, таможенных управлений и таможен, а также «профили риска».

Представляется целесообразным внести изменения в редакцию абз. 2 п. 16 Постановления Пленума ВС РФ, изложив его следующим образом: *«корыстной заинтересованностью является стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя, своих близких, иных лиц, в обогащении которых виновный заинтересован, выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц»* (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.).

Такое изменение диспозиции п. 16 Постановления Пленума ВС РФ позволит, во-первых, привести в соответствие значение уголовно-правового термина лексическому толкованию, а, во-вторых, избежать ошибок в правоприменительной практике при решении вопросов о привлечении должностных лиц к уголовной ответственности за совершение преступления указанной категории.

Библиографический список:

1. Апелляционное постановление по делу 22-2638/2017 07.12.2017 [Электронный ресурс] //Судебные акты и решения – Астраханский областной суд (Астраханская область). URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения 25.10.2018).
2. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
3. Волженкин Б.В. Уголовное право России. Особенная часть. Изд. 2-е. М., 2005. Т.2. С. 464.
4. Гавриленко Д.Н Должностные преступления работников местного самоуправления: дис. ... канд. Юрид. наук. Ставрополь, 2008. 217 с.
5. Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России: дис. ... докт. Юрид. наук. М., 2000. 345 с.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.
7. Макашвили В.Г. Волевой и интеллектуальный элементы умысла // Сов. государство и право. 1966. №7. С. 108-109.
8. Мерзлякова В.А. Уголовная ответственность сотрудников правоохранительных органов за превышение должностных полномочий: дис. ... канд. Юрид. Наук. М., 2003. 204 с.
9. Наумов А.В. Российское уголовное право Т. 2. Особенная часть. М.: Юридическая литература, 2004. 832 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
11. Приговор по делу 1-660/2015 от 30.11.2015 [Электронный ресурс] // Судебные акты и решения – Кировский районный суд г. Астрахани (Астраханская область) URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения 25.10.2018).
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение №1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.01.2018).
13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.

14. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд, исп. и доп. М.: Норма, 2008. 1008 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. С. 2954.
16. Федеральный закон от 21.07.1997 №114-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 146.
17. Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. №31. С. 3215.
18. Duodu C. Breathing the free air of Africa // *New African*. 2005. Issue 444. Pp. 44-45.
19. Gulko N. Everyone's getting sacked // *Current Digest of the Post-Soviet Press*. 2006. Vol. 58. Issue 20. Pp. 1.
20. Pottenger M. Incentives and Norms in Anticorruption Reform // *Australian Journal of Public Administration*. 2014. Vol. 73. Issue 4. Pp. 482-490.

Ryabikov A.M., Glushkov A.I. To the question of the features of the subjective side of the official crime committed by the customs officers of the Russian Federation

This article is devoted to the analysis of the legal basis of criminal responsibility for the commission of misconduct by customs officers of the Russian Federation, regulated by the norms of criminal legislation of the Russian Federation. Analyzed the legal literature, legislation, as well as judicial practice regarding this issue. Based on the study, the author highlighted the specific features of the subjective side of the misconduct committed by customs officers, as well as attempted to eliminate the terminological contradiction.

Keywords: criminal liability, the subjective side of the misconduct, official, malfeasance, qualification of malfeasance, corruption.

УДК 343.13

Глушков А.И.

**Особенности реализации института свидетельского иммунитета в российском
уголовно-процессуальном праве**

Аннотация:

В статье рассмотрены теоретические и правовые вопросы, связанные с проблемами реализации уголовно-процессуального института свидетельского иммунитета в судебно-следственной практике. На основе произведенного исследования определены отличительные признаки, присущие этому правовому институту, а также представлена совокупность критериев, по которым свидетельский иммунитет необходимо отграничивать от регламентации различных видов охраняемых законом тайн.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет, свидетельские показания, отказ от дачи показаний, свидетельская привилегия, освобождение от уголовной ответственности, охраняемая законом тайна

Об авторе: Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: profglushkov@mail.ru

По смыслу сформулированных положений в Конституции РФ предоставление физическим лицом свидетельских показаний - его гражданской обязанностью. Основанием для такого вывода выступают следующие обстоятельства.

1) Положениями ст. 51 Конституции РФ определен круг лиц, которые могут отказаться от дачи свидетельских показаний и не нести за это уголовной ответственности. Следовательно, все иные лица, не указанные в данной норме, представлять свидетельские показания обязаны.

2) Уголовно-процессуальным законодательством РФ установлен перечень лиц, которые имеют право или обязаны отказаться от предоставления свидетельских показаний по уголовному делу (ч. 3 ст. 56 УПК РФ [15]).

3) Уголовно-процессуальным законом регламентирована обязанность свидетеля

являться по вызову компетентных правоохранительных органов и должностных лиц, а также его ответственность в случае неявки без уважительной причины (ч. 6 ст. 56, ч. 2 ст. 111, ч. 3 ст. 188 УПК РФ).

4) Норма, закрепленная положениями ст. 308 УК РФ [16], предусматривает уголовную ответственность свидетеля за отказ от дачи показаний; от уголовной ответственности могут быть освобождены лишь некоторые категории лиц (в частности, супруг и близкие родственники).

Следовательно, можно однозначно констатировать, что любое физическое лицо в порядке, установленном законодательством РФ, обязано во всех случаях являться по вызову дознавателя, следователя и суда; это лицо, будучи свидетелем, обязано рассказать все известное ему по уголовному делу. Неявка по вызову без уважительных причин влечет за собой применение мер процессуального принуждения [3, с. 68-73; 4, с. 67-69; 5, с. 482-485]. Единственным основанием, освобождающим граждан от обязанности свидетельствовать по уголовному делу, являются обстоятельства, закрепленные в ст. 51 Конституции РФ и конкретизированные в УПК РФ. Традиционно эти правила в науке уголовного процесса носят название свидетельского иммунитета. Подобной позиции придерживается и законодатель, определяя свидетельский иммунитет как право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК (п. 40 ст. 5 УПК РФ).

Однако в вопросе о понятии и наименовании института освобождения лица от обязанности давать свидетельские показания нет единства мнений; среди ученых-процессуалистов существуют разногласия по соотношению понятий «свидетельский иммунитет» и «свидетельская привилегия». В этой связи К.Ф. Гуценко указывает, что право свидетеля отказаться от дачи показаний во многих современных государствах принято называть свидетельской привилегией, термин «свидетельский иммунитет» используется в уголовном судопроизводстве США в значении освобождения свидетеля от уголовной ответственности, если он согласится давать показания против самого себя [18, с. 236].

В свою очередь Н.Н. Ковтун разграничивает эти понятия иным образом: «Свидетельский иммунитет – это категорический запрет допрашивать то или иное лицо в качестве свидетеля... Свидетельская привилегия – это право лица воспользоваться нормой закона на отказ от дачи свидетельских показаний» [17, с. 89].

К.Ю. Орлов отождествляет свидетельский иммунитет и свидетельскую привилегию

и в качестве самостоятельного вида доказательственного запрета на использование показаний свидетеля выделяет «запрет допроса определенных категорий лиц». В частности, он отмечает следующее: «Существуют две формы освобождения – свидетельский иммунитет и прямой запрет допроса определенных категорий лиц. К сожалению, в литературе (а иногда и в законе) эти формы четко не разграничиваются. Между тем, они имеют весьма существенные правовые различия. Запрет означает, что данные лица не могут допрашиваться в качестве свидетеля ни при каких обстоятельствах, независимо от желания. Иммунитет же – это юридическое право не подчиняться некоторым законам (привилегия). Лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, не обязано давать показания, «не несет ответственности за отказ от их дачи» [14, с. 205].

В этой ситуации более обоснованной представляется позиция Ю.К. Орлова, который совершенно верно разграничивает право отказаться от дачи свидетельских показаний и обязанность отказаться от дачи свидетельских показаний определенных категорий лиц, однако нет необходимости исключать первое и второе из рамок свидетельского иммунитета. По большому счету свидетельский иммунитет предполагает не просто право (обязанность) отказаться от дачи свидетельских показаний или обязанность должностного лица, производящего допрос, ограничить предмет допроса. Свидетельский иммунитет обусловлен нормами уголовного (материального) права и предполагает иммунизацию (освобождение) от уголовной ответственности за неисполнение всеобщей гражданской обязанности свидетельствовать о фактах, которые известны допрашиваемому лицу.

В свете рассматриваемых проблем, на наш взгляд, необходимо решать вопрос о терминологии, применяемой в уголовно-процессуальной теории и законодательстве. Термин «иммунитет» произошел от латинского “immunitas” («освобождение от повинностей», «льгота»), в свою очередь это слово состоит из двух частей: “im”, что означает отрицание, и “munus” - обязанность, повинность. В отечественной юриспруденции и дипломатии термин стал употребляться в первой половине XVIII в. Он означал «исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, предоставляемое лицам, занимающим особое положение в государстве, например, дипломатическому корпусу, депутатам парламента, работникам судебных и правоохранительных органов и т.п.» [2, с. 270-271]. В толковом словаре русского языка «иммунитет» определяется как «представленное кому-нибудь исключительное право не подчиняться некоторым общим законам» [11, с. 245].

Термин «привилегия» появился в русском языке в начале XVIII в. Он происходит от латинского “privilegium”, означавшего преимущественное право, закон или постановление, изданное в пользу или против одного лица, исключительный закон. В.И. Даль рассматривал «привилегию» как «исключительное право в ремеслах и промыслах; личное право, преимущество» [8, с. 525]. С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой дана следующая дефиниция: «Привилегия – преимущественное право, льгота» [11, с. 288]. В этой связи необходимо отметить, что термин «иммунитет» законодатель применяет в нормах уголовно-процессуального права (например, п. 40 ст. 5 УПК РФ), а «привилегию» нет.

Таким образом, если рассматривать дачу свидетельских показаний как обязанность каждого гражданина (исходя из положений ст. 51 Конституции РФ), то освобождение от этой обязанности следует считать иммунитетом, который выражается в различных формах. В зависимости от оснований освобождения, желания самого субъекта и иных требований закона свидетельский иммунитет может существовать в виде привилегии (привилегия против самообвинения, иммунитет близких родственников и супруга, иммунитет депутатов и дипломатов) или в виде совокупности права и запрета давать свидетельские показания (иммунитет судей, присяжных, защитников, адвокатов и священнослужителей).

Свидетельский иммунитет в виде совокупности нормативно закрепленных положений и одного из институтов уголовно-процессуального права имеет давнюю историю. По времени существования он превосходит такой институт, как участие в уголовном процессе в качестве самостоятельного субъекта защитника. Допуск в судебное разбирательство защитника в Англии произошел в 1836 г., в иных европейских странах – только вместе с учреждением суда присяжных, т.е. во второй половине XIX в. Свидетельский иммунитет в виде привилегии против самообвинения был известен английским судам общего права уже в конце XVI - начале XVII вв.

В свете рассматриваемых проблем представляет интерес точка зрения Т.Н. Москальковой, которая считает, что положения свидетельского иммунитета в уголовном процессе могут быть структурированы [10, с. 48]. Полагаем, что в зависимости от субъекта, обладающего правом отказаться от дачи показаний и при этом не нести за это ответственности, свидетельский иммунитет можно подразделить на несколько видов. В зависимости от субъекта также различают основания приобретения свидетельского иммунитета и его объем.

Во-первых, можно выделить свидетельский иммунитет близких родственников обвиняемого. Круг таких субъектов определен в диспозиции п. 4 ст. 5 УПК РФ.

Во-вторых, так называемый профессиональный свидетельский иммунитет. Субъект данного иммунитета должен или имеет право отказаться от дачи свидетельских показаний в отношении лица, с которым он связан договорными (доверительными) отношениями (например, защитник), либо по характеру своей профессиональной деятельности не правомочен раскрывать информацию, ставшую ему известной при исполнении своих обязанностей (например, священник).

В-третьих, можно считать самостоятельным видом свидетельского иммунитета, обладающего специфическими признаками, привилегию против самообвинения. Особенностью этого вида освобождения от обязанности давать показания по уголовному делу является широкий круг лиц вне зависимости от того, в каком качестве конкретный субъект выступает по уголовному делу: свидетеля, потерпевшего, обвиняемого и др.

Представляется, что в качестве самостоятельного подвида свидетельского иммунитета можно выделить иммунитет, полученный в результате соглашения (иммунитет по сделке). Он имеет определенные черты, приближающие его к процессуальным правилам, именуемым «сделкой о признании» [9, с. 167-186], но поскольку свидетельский иммунитет по соглашению, в первую очередь, ограничивает допустимость доказательств по кругу субъектов и связан с ограничением (своеобразным применением) привилегии против самообвинения, необходимо относить иммунитет по соглашению именно к институту свидетельского иммунитета.

Субъект названного свидетельского иммунитета дает показания, изобличающие его в совершении преступления (тем самым отказываясь от привилегии не свидетельствовать против себя), но в «обмен» компетентные органы или должностные лица обязуются не использовать эти показания в качестве доказательств против давшего их «иммунизированного» субъекта. Таким образом, сведения, содержащиеся в показаниях, добытых в результате подобной сделки, обладают свойством допустимости и выступают в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве, но при этом они не могут быть использованы против лица, предоставившего их, т.е. для доказательства его виновности в совершении преступления [6; 7, с. 23-26]. Иначе говоря, интересы субъекта иммунитета не должны затрагиваться, как если бы он использовал свое право на молчание.

Во всех перечисленных случаях субъектам свидетельского иммунитета должно быть гарантировано в суде «право на молчание», если показания были получены с

нарушением уголовно-процессуального закона (правил, регламентирующих свидетельский иммунитет) на стадии предварительного расследования. В частности, это может произойти, если гражданину не разъяснят его право на свидетельский иммунитет или показания лица будут получены путем применения насилия или обмана. В этих и подобных случаях содержащаяся в показаниях информация должна признаваться недопустимой и не может быть использована в качестве доказательства по уголовному делу.

На необходимость соблюдения данного правила указано в п. 18 постановления Пленума Верховного суда РФ: «При рассмотрении ...уголовных дел ...судам необходимо исходить из того, что в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. В ходе производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в суде должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, и суды обязаны разъяснять ...свидетелю ...право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, гарантированное соответствующими нормами УПК РФ. Невыполнение этого требования уголовно-процессуального закона влечет признание ...показаний указанных лиц полученными с нарушением закона» [13].

В свете рассматриваемых проблем необходимо от института свидетельского иммунитета, которым наделены субъекты по профессиональному или служебному признаку, отграничивать правила, регламентирующие различные виды охраняемых законом тайн. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения ряда авторов, которые отнесли к институту свидетельского иммунитета «правовые нормы, предоставляющие свидетелю право отказаться от дачи показаний в интересах защиты государственной, служебной или профессиональной тайны» [1, с. 97].

На наш взгляд, положения ч. 2 ст. 51 Конституции РФ не допускают столь широкого толкования возможности освобождения лица от дачи свидетельских показаний; в данной норме недвусмысленно говорится, что «иные случаи (освобождения от обязанности свидетельствовать) предусмотрены Федеральным законом». Следовательно, только в том случае, когда Федеральный закон прямо предусматривает освобождение конкретного субъекта от дачи свидетельских показаний по уголовному делу в связи с исполняемыми им служебными обязанностями или занимаемым должностным положением можно считать такое лицо субъектом свидетельского иммунитета.

Многие российские нормативные правовые акты (например, ст. 13 «Соблюдение врачебной тайны» Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [19]; ст. 5 «Гарантии нотариальной деятельности» и ст. 16 «Обязанности нотариуса» Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [12]), хотя и содержат правила о неразглашении информации, полученной в связи со служебной деятельностью, тем не менее, не освобождают лиц, обладающих подобной информацией, от обязанности давать по уголовным делам показания, в том числе, и содержащие охраняемые законом сведения.

Главное отличие правового положения носителей тайн, охраняемых законом, от субъектов свидетельского иммунитета заключается в том, что законодателем четко определены юридические последствия наделения гражданина свидетельским иммунитетом в уголовном процессе: он не может быть привлечен к уголовной ответственности за отказ представить информацию, полученную при исполнении определенных профессиональных (служебных) обязанностей. Лицо, обладающее информацией, составляющей охраняемую законом тайну, не может свободно распространять такую информацию, однако не освобождается от дачи свидетельских показаний по уголовному делу, если не обладает иным указанным в законе (например, предусмотренным ч. 2 ст. 51 Конституции РФ и ч. 3 ст. 56 УПК РФ) свидетельским иммунитетом.

В силу изложенных обстоятельств, на наш взгляд, нельзя признать обоснованным утверждение ряда авторов, которые хотя и правильно характеризуют иммунитет как освобождение от обязанности, «определенные изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства» [1, с. 19], однако при этом к положениям, регламентирующим свидетельский иммунитет в уголовном судопроизводстве, одновременно относят правила, регулирующие различные виды тайн.

Библиографический список:

1. Агаев Ф.А., Галузо В.Н. Иммунитеты в Российском уголовном процессе: Монография. М.: ТЕИС, 1998.
2. Баш Л.М., Боброва А.В. и др. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. 9-е изд. М.: Феникс, 2009.
3. Глушков А.И. Взаимодействие следователя и оперативных сотрудников в

рамках оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2008. № 1 (1). С. 68-73.

4. Глушков А.И. Реализация в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 67-69.

5. Глушков А.И. Роль прокурора в обеспечении реализации принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса // Административное и муниципальное право. 2013. № 5 (65). С. 482-485.

6. Глушков А.И., Головкин Н.В. Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам о торговле несовершеннолетними: Учебное пособие. М., 2015. 144 с.

7. Головкин Н.В. Возникновение и развитие уголовного законодательства об ответственности за должностные преступления // Современный ученый. 2016. № 1. С. 23-26.

8. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2006.

9. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии). М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.

10. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного исследования). М.: Спарк, 1996.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2013.

12. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2018) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. 3-е изд., пер. и доп. М.: Норма, 2013.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
17. Уголовный процесс России: Учебник / Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт, 2003.
18. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, 2005.
19. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Glushkov A.I. Features of implementation of the Institute of witness immunity in the Russian criminal procedure law

The article deals with the theoretical and legal issues related to the problems of implementation of the criminal procedural Institute of witness immunity in judicial and investigative practice. On the basis of the research, the distinctive features inherent in the said legal institution are determined, as well as a set of criteria by which the witness immunity should be distinguished from the regulation of various types of secrets protected by law is presented.

Keywords: witness immunity, witness testimony, refusal to testify, witness privilege, exemption from criminal liability, secret protected by law.

УДК 343.2

Н.В. Головки

**Институт необходимой обороны
в российском уголовном праве: вопросы реализации**

Аннотация:

В статье рассмотрены теоретические и правовые вопросы, связанные с проблемами применения уголовно-правового института необходимой обороны в судебно-следственной практике. На основе анализа признаков, характеризующих необходимую оборону, сформулировано авторское определение данного понятия, а также представлена система критериев отграничения необходимой обороны от таких уголовно-правовых институтов, как крайняя необходимость и задержание лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: преступление; обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; крайняя необходимость; задержание лица, совершившего преступление

Об авторе: Головки Нонна Владимировна, кандидат юридических наук, Московский педагогический государственный университет, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института социально-гуманитарного образования; эл. почта: nonna35@bk.ru

Выполнение правоохранительной функции по обеспечению защиты личности, общества и государства от преступных посягательств предусматривает не только формирование и организацию деятельности судебных и иных правоприменительных органов, но и наличие эффективных юридических средств (поощрительных институтов), стимулирующих социально-правовую активность граждан в вопросах противодействия (предупреждения и пресечения) преступности [1, с. 68-73; 2, с. 67-69; 3, с. 482-485]. В этой связи российским законодательством регламентированы юридические основания признания правомерным причинение вреда тем лицам, в поведении которых усматривалось общественно опасное посягательство на охраняемые уголовным законом интересы личности, общества и государства.

В российском уголовном праве одним из таких поощрительных правовых институтов является институт необходимой обороны (ст. 37 Уголовного кодекса РФ [9]), который одновременно служит средством реализации конституционного положения (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Положения ст. 37 УК РФ на протяжении длительного периода времени остаются неизменными, несмотря на неоднократно выдвигаемые учеными и практическими работниками предложения по их совершенствованию. Между тем, отсутствие в законе четких и однозначно воспринимаемых формулировок, определяющих сущность необходимой обороны, влечет за собой неодинаковое их восприятие и толкование со стороны ученых-правоведов, работников судебно-следственных органов и обычных граждан, а также является одной из причин немногочисленности фактов реализации на практике названного уголовно-правового института.

Существующие в уголовном законе положения о необходимой обороне при всей их на первый взгляд простоте и ясности содержат немало оценочных категорий (например, посягательство, явность, соответствие защиты характеру и опасности посягательства), которые порождают многочисленные споры и проблемы в части уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных защищающимся, а также служат предметом научных дискуссий не один десяток лет [4; 5, с. 23-26].

В силу изложенных обстоятельств возникающие на практике вопросы, связанные с юридической квалификацией действий граждан в состоянии необходимой обороны, зачастую разрешались на основании разъяснений, изложенных в постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РФ. В их числе можно назвать постановление Пленума ВС СССР от 16.08.1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» [8] и постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [7].

Со стороны законодателя вектор регламентации права гражданина на необходимую оборону осуществлялся по следующим основным направлениям развития соответствующих нормативных предписаний: 1) определение правомерности защиты от посягательств на жизнь и здоровье гражданина, а также на половую свободу и половую неприкосновенность женщины; 2) регламентация защиты имущества и

неприкосновенности жилища; 3) регламентация действий, связанных с защитой от криминальных посягательств иного рода.

Юридически субъективное право гражданина на необходимую оборону, во-первых, основано на естественном и неотчуждаемом праве, которым он обладает с момента своего рождения и которое им реализуется объективно и непосредственно, и удовлетворяет потребности в самозащите и безопасных условиях существования, обусловленных самой природой человека [6]. Во-вторых, это признанное за субъектом правоотношений нормами Конституции РФ и УК РФ допустимое и регламентированное законодателем поведение, сопряженное с причинением вреда нападающему. Право на необходимую оборону имеет юридическую природу, которая проявляется в том, что возможность определенного поведения предусмотрена нормами права, и его реализация гарантируется государством.

Право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства обеспечивает физическую, моральную и социальную неприкосновенность личности и является гарантированным субъективным правом каждого человека и гражданина. В этой связи оно выполняет охранную функцию относительно других субъективных прав личности: права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, на личную и семейную тайну, на защиту чести и достоинства, на частную собственность и неприкосновенность жилища и др.

Мотивом действий обороняющегося в состоянии необходимой обороны, как правило, является желание устранить законным способом возникшую опасность от уголовно наказуемого деяния. Иные побудительные причины усматриваются в действиях лица при превышении им пределов необходимой обороны. Их мотивом является трансформированная в намерения потребность устранения опасности от преступного посягательства при одновременном осознании незаконности избранного способа защиты.

Пределы необходимой обороны, являющиеся составным элементом системы условий правомерности необходимой обороны, имеют единые, отличные от других условий, признаки. Эти признаки подразделяются на условия правомерности необходимой обороны по отношению к противоправному посягательству и условия правомерности необходимой обороны по отношению к защитным действиям.

Условиями правомерности необходимой обороны, в том числе определяющими ее юридические основания, по отношению к противоправному посягательству являются следующие обстоятельства: а) общественная опасность посягательства (в результате его

совершения причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям); б) посягательство должно быть фактическим (реальным), то есть имеет место начавшееся, но неоконченное противоправное действие; в) посягательство должно быть действительным (усматривается подлинная возможность (способность) причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям).

Условиями правомерности необходимой обороны, определяющими границы допустимой защиты, можно назвать следующие обстоятельства: а) защита должна быть своевременной (временные пределы обороны); б) причинение вреда наступило только в отношении посягающего лица; в) защитные меры соразмерны степени и характеру посягательства – защита не превышает пределов необходимой обороны.

Превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Вопрос о возникновении и прекращении права на необходимую оборону необходимо разрешать с учетом оценки совокупности конкретных обстоятельств в каждом определенном случае. Начальный и конечный моменты преступного посягательства играют важную роль в определении временных рамок защитных действий, однако придание им решающего значения при уголовно-правовой квалификации без учета иных обстоятельств дела приведет к ошибочной оценке правомерности необходимой обороны и как следствие – к необоснованному осуждению лиц, правомерно защищавшихся.

Пределы необходимой обороны во времени должны определяться признаком актуальности защиты, а не признаком «приготовления» посягательства. Пределы допустимости вреда, причиненного в ходе обороны, нужно исчислять посредством сопоставления интенсивности посягательства и интенсивности защиты. Содержание интенсивности посягательства определяют объективные и субъективные признаки, характеризующие степень его общественной опасности. Интенсивность защитных действий следует устанавливать по признакам, исключающим противоправность деяния. В свете рассматриваемых проблем предлагается следующая система критериев по разграничению уголовно-правовых институтов необходимой обороны, крайней необходимости и задержания лица, совершившего преступление.

1) Основанием правомерного причинения вреда является: а) при необходимой обороне – общественно опасное нападение, б) при крайней необходимости – наличие реальной опасности любого происхождения, в) при задержании преступника – ранее совершенное им преступление.

2) Моментом возникновения права на причинение вреда является: а) при необходимой обороне – момент восприятия сознанием обороняющегося наличия и реальности угрозы общественно опасного посягательства; б) при крайней необходимости – возникновение подлинной и реальной опасности; в) при задержании преступника – после фактического окончания преступного посягательства или с момента пресечения противоправных действий, когда преступление не было завершено по независящим от виновного лица обстоятельствам.

3) Спектр охраняемых интересов при необходимой обороне и крайней необходимости не ограничен. При задержании преступника – общественно-государственные интересы по охране правопорядка и привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления.

4) Объектом причинения вреда являются: а) при необходимой обороне – блага и интересы нападающего лица; б) при крайней необходимости – блага и интересы неограниченного круга лиц; в) при задержании лица, совершившего преступление, – блага и интересы субъекта преступления.

5) Характер причиненного вреда: а) при необходимой обороне он должен соответствовать характеру и степени общественной опасности посягательства, его интенсивности и способу; б) при крайней необходимости причиненный вред должен быть меньше вреда предотвращенного; в) при задержании преступника вред должен соответствовать уровню общественной опасности совершенного преступления и личности задерживаемого, обстановке и обстоятельствам задержания.

6) Цель: а) при необходимой обороне – отразить преступное посягательство, б) при крайней необходимости – устранить опасность, в) при задержании преступника – его доставление в органы власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений.

6) Содержание: а) при необходимой обороне – причинение вреда нападающему, б) при крайней необходимости – коллизия благ, «размен» блага менее ценного на благо более значимое; в) при задержании преступника – кратковременное лишение его свободы.

8) Наличие отлагательных условий: а) при необходимой обороне они отсутствуют, б) при крайней необходимости – без причинения вреда устранить опасность не представляется возможным (если имеются иные способы устранения опасности без причинения вреда – причинять вред недопустимо), в) при задержании преступника – осуществить задержание возможно только путем причинения вреда преступнику.

9) Минимизация причиняемого вреда: при необходимой обороне и крайней необходимости - отсутствует, при задержании преступника – обязательное условие, но она носит вынужденный характер.

В целях конкретизации субъективного юридического права граждан на необходимую оборону представляется необходимым регламентировать понятие необходимой обороны в ч. 1 ст. 37 УК РФ, диспозицию которой изложить в следующей редакции: *«Необходимой обороной являются действия лица, использующего необходимую защиту для того, чтобы предупредить существующее или непосредственно угрожающее противоправное посягательство на охраняемые законом права и интересы обороняющегося или других лиц, а также охраняемые законом интересы общества или государства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».*

Учитывая изложенные обстоятельства, также представляется целесообразным законодательно закрепить право граждан на установление технических устройств в целях обеспечения защиты жилища и иного имущества от общественно опасных посягательств. При этом случаи причинения вреда посягающему в подобных ситуациях необходимо рассматривать по правилам действия гражданина в состоянии необходимой обороны.

Библиографический список:

1. Глушков А.И. Взаимодействие следователя и оперативных сотрудников в рамках оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2008. № 1 (1). С. 68-73.
2. Глушков А.И. Реализация в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 67-69.
3. Глушков А.И. Роль прокурора в обеспечении реализации принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса // Административное и муниципальное право. 2013. № 5 (65). С. 482-485.
4. Глушков А.И., Головкин Н.В. Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам о торговле несовершеннолетними: Учебное пособие. М., 2015. 144 с.
5. Головкин Н.В. Возникновение и развитие уголовного законодательства об ответственности за должностные преступления // Современный ученый. 2016. № 1. С. 23-2

6. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М.: Остожье, 1996. 112 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
8. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 16.08.1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (утратил силу) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Golovko N.V. **The Institute of necessary defense in Russian criminal law: implementation issues**

The article deals with theoretical and legal issues related to the problems of application of the criminal law Institute of necessary defense in the judicial and investigative practice. On the basis of the analysis of the signs characterizing necessary defense the author's definition of this concept is formulated, and also the system of criteria of differentiation of necessary defense from such criminal legal institutions as extreme necessity and detention of the person who committed a crime is presented.

Keywords: crime; circumstances precluding the criminality of the act; necessary defence; exceeding the limits of necessary defence; extreme necessity; detention of the person who committed the crime.

Страницы истории государства и права

УДК 340

Н.В. Михайлова, Ф.Н. Михайлов

Некоторые аспекты становления взаимодействия субъектов публичного и частного права в средневековой Руси XII-XV вв.

Аннотация:

В настоящей статье проводится критический анализ взаимодействия субъектов частного и публичного права в средневековой Руси XII-XV вв. А также представляется и систематизируется законодательство, определяющее правовой статус субъектов частного и публичного права вышеуказанного периода. В статье дается оригинальная периодизация развития правового положения субъектов частного и публичного права в средневековой Руси XII-XV вв.

Ключевые слова: субъекты права, публичное право, частное право, система законодательства, грамоты, правовые инструменты, памятники русского средневекового права.

Об авторах: Михайлова Наталья Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: net-46@mail.ru

Михайлов Филипп Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой гражданского права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: filmix68@mail.ru

Взаимодействие субъектов публичного и частного права складывалось постепенно, через различные правовые институты. Такие правоотношения возникали не только в рамках национальной правовой системы, но и в процессе межгосударственного взаимодействия, что было характерно для княжеств, граничивших с иностранными государствами, а также земель крупных торговых центров, таких как Новгород и Псков.

Одним из ярких примеров формирования экономических связей между иностранными государствами и приграничными княжествами средневековой Руси может служить княжеская грамота Ивана Рославовича Берладника 1134 г., освобождавшая от уплаты мыта болгарских купцов, привозивших товары на склад в город Малый Галич [7, с. 26].

Крупные торговые города-республики также стремились к утверждению взаимовыгодных экономических связей с зарубежными контрагентами. Так, договорной грамотой Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых сношениях и о суде (1189 – 1199 гг.) устанавливалось: «Ходити новгородцю послоу и всякомуу новгородцю в мир в Немечьску землю и на Гьцк берег, такоже ходити немьчьмь и гтяном в Новьгород без пакости, не обидим никымже» [4, с. 7], что говорит о взаимном экономическом интересе сторон договора.

С течением времени расширялись и различные привилегии, предоставлявшиеся сторонами международных соглашений своим контрагентам. В 1229 г. было заключено очередное соглашение между Смоленском, Ригой и Готским берегом. Анализ данного документа указывает на совершенствование правовой техники в сфере взаимодействия субъектов публичного и частного права. Нормы соглашения устанавливали беспрепятственные [10, с. 432-433] и беспошлинные [10, с. 436-437] торговые операции, беспрепятственный транзитный проезд [10, с. 432-433] купцов через территорию сторон соглашения, определяли преимущества иностранного лица в возмещении полученного ущерба перед органами власти [10, с. 426-427], что можно отнести к разряду исключительных прав.

Эти памятники русского средневекового права обнаруживают влияние первого кодифицированного сборника правовых норм Русской Правды.

По мнению некоторых ученых [3], система кормлений может считаться прообразом форм взаимодействия субъектов публичного и частного права. Безусловно, как бы ни различались точки зрения относительно момента правового закрепления системы кормлений на Руси, нет сомнений, что немалую роль в этом процессе сыграла Русская Правда, среди положений которой можно выделить нормы, устанавливающие порядок уплаты населением податей строителям и ремонтникам мостов [9, с. 88].

Наряду с описанными правовыми инструментами обеспечения взаимодействия субъектов публичного и частного права существовали и некоторые другие институты, связанные, в первую очередь, с вопросами землевладения, освоения земельных угодий, а

также различных промыслов [6, с. 3], поскольку интерес законодателя к данной сфере особенно в период средневековья был чрезвычайно высоким.

Особое внимание землевладельцы уделяли развитию хозяйства через освоение пустынных земель (пустошей) путем их распашки, выведения скота, закрепления за данной местностью крестьян, обслуживавших вновь освоенные источники дохода.

Этот процесс оформлялся специальными грамотами на освоение участков, выдававшимися крестьянам землевладельцами. Такие грамоты могли выдавать и князья своим дружинникам за службу, и монастыри, являвшиеся собственниками земельных угодий.

Таким образом, шло экономическое развитие определенной территории сопровождавшееся процессом закрепления крестьян за обрабатываемыми ими по выданной грамоте земельными участками.

Исследователи выделяют несколько основных групп жалованных и указных грамот [8, с. 86-89]:

I. Грамоты, закрепляющие переход в собственность землевладельцев недвижимого имущества;

II. Грамоты, фиксирующие иммунитет средневекового землевладения:

- закрепляющие за феодалным владением податной иммунитет (тарханные, льготные, обельные и т.д.);
- закрепляющие за феодалным владением судебный иммунитет (несудимые, срочные и т.д.);
- охраняющие феодалную вотчину и ее население от различных притязаний и насилия со стороны агентов сюзерена или посторонних лиц (заповедные грамоты).

III. Грамоты, предоставляющие феодалам права на организацию промыслов, ведение торговли и сбор таможенных пошлин.

Подчеркнем, что содержание грамоты зависело от конкретных правовых обстоятельств, которые должны были найти в ней отражение, что влекло за собой смешение различных видов грамот в рамках одного документа.

Особый интерес представляют жалованные льготные грамоты, освобождающие население от различного рода податей при условии заселения и хозяйственного подъема запустелых земель.

Примером тому могут служить следующие документы:

1. Жалованная льготная и несудимая грамота великого князя Василия Дмитриевича архимандриту митрополичьего нижегородского Благовещенского монастыря Малахии на Лысковские и Курмышские пустоши в Нижегородском уезде от 20 февраля 1423 года, положения которой гласят: «...Что у него пустоши монастырские на Лыскове и на Курмыше, Савины Сюзева пустоши, да Митроховская пустошь, да пустынка на Стобищах, и кого к себе на те пустоши перезовет людей тутошних старожильцев, и тем людям на три годы не надобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни ям, ни подвода, ни инаа никотораа пошлина. А ково к себе перезовет людей из ыных княженей, а не из моea отчины, из великого княжения, и тем людям пришлым на десять лет не надобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни подвода, ни ям, ни тамга, ни мыт, ни костки, ни восьмничее, ни весчее, ни езовое, ни побережное...» [2, с. 202];

2. Жалованная льготная и несудимая грамота великого князя Василия Дмитриевича Ивану Кафтыреву на земли в Осецком стану Костромского уезда от 30 января 1424 года, устанавливавшая: «Се аз, князь великий Василей Дмитриевич, пожаловал есми Ивана Кафтырева, отоего земли в Костромском уезде в Осецком стану, и те, де, земли у него нынеча опустели мором и межениною вымерли, а иныя розошлися. И кого к себе перезовет на те на свои земли люди тутошних сторожильцев, и тем людям не надабедь мая дань на три годы, ни ям, ни подвода, ни письчая белка, ни иная никоторая пошлина. А каго к себе перезовет люди на те земли из ыных княжений, а не из моей вотчины из великого княжения, и тем людям пришлым на десять лет не надобедь моя дань и письчая белка, ни ям, ни подвода, ни иная никоторая пошлина...» [1, с. 5].

Эти документы указывают на освобождение от несения различных повинностей податным сословием под управлением вотчинника, на которого выписывается жалованная грамота на временных условиях, в ней обозначенных – расселение на пустующих землях людей с целью обработки и включения данных земель в экономический оборот. Осознавая невозможность выполнения данной задачи собственными силами, субъект публичного права в лице княжеской власти идет на смягчение режима сборов и несения повинностей для достижения поставленной перед вассалами цели.

Другим правовым институтом обеспечения взаимодействия субъектов публичного и частного права является прекарное (условное) держание земли. При помощи грамот на такое условное держание землевладельцы, не теряя права собственности на землю, предоставляли ее в пользование иным лицам. Зачастую, предоставление условного

держания земли практиковалось, как и в случае с жалованными княжескими грамотами на пустующие земли с целью их включения в хозяйственный оборот [5, с. 53-54].

Однако, учитывая тот факт, что условное держание предоставлялось в т.ч. и субъектами публичного права, а также то, что вместе с условным держанием права субъекта публичного права переходили к новому лицу, довод в пользу отсутствия общественно значимых целей несостоятелен. Являясь полновластным собственником земельного надела, вотчинник в рамках своих полномочий обладал такими важными атрибутами публичной власти как сбор различных податей, судопроизводство, содержание военизированных подразделений и т.д., что в свою очередь влекло несение определенной социально-экономической ответственности за содержание выделенных ему владений.

Яркими примерами предоставления прекарного (условного) земельного держания могут служить некоторые митрополичьи грамоты середины XV в. В частности, жалованная, тарханно – несудимая грамота митрополита Ионы Андрею Афанасьеву на его пустошь Голямовскую в Романовской волости Переяславского уезда от 25 мая 1450 года, определяла, что: «...Иона, митрополит всеа Руси, пожаловал есмь Андреа Афанасьева что сел на своей купле, на Голямовской пустоши, в волости пречистыа Богородици и в моей, в Романовском. И кого Андрей на ту пустошь к себе перезовет людей из иных княженей, а не из волости, ни из сел пречистыа Богородици, и тем людем пришлым не надобе им с моими христианы с волостными тянути ни в какое дело, ни в какие розметы. Ни волостели мои романовские и их доводшики не въежжают к тем людем пришлым на ту пустош ни по что, ни кормов, ни поборов у них не емлют, ни судят их. А ведает и судит тех христиан Андрей сам» [2, с. 123].

Исторические причины и цели издания этого акта и княжеских грамот – аналогичны, собственно, поэтому и так сходна их правовая направленность.

Так в XII-XV вв. в средневековой Руси происходило становление взаимодействия субъектов публичного и частного права.

Библиографический список:

1. Акты XIII – XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Часть 1. 1257 – 1613 гг. / Собр. и изд. А.И. Юшковым. М.: Университетская типография, 1898. 434 с.

2. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв. Часть I. Подгот. Л.В. Черепнин. – М.: АН СССР, 1951. 402 с.
3. Белицкая А.В. Государственно-частное партнерство: историко-правовой аспект // История государства и права. 2010. № 21.
4. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами, в XII, XIII и XIV веке, найдены в Рижском архиве К.Э. Напиерским / Изданы Археографическою Комиссиею (с 8 литографированными снимками). Спб., 1857. 29 с.
5. Жалованная грамота митрополита Даниила крестьянину Мелетию Новикову на деревни, селища и пустоши в Вологодском уезде, с освобождением их от даней и пошлин на 10 лет, и проч. от 03.04.1527 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. Спб.: в Тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. I. С. 53-54, № 74-d.
6. Жалованная грамота Нижегородского Великого князя Бориса Константиновича, на рыбные ловли и бобровые гоны по Суре реке Спасскому и Благовещенскому монастырю от 08.12.1393 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. – Спб.: в Тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. I. с. 3, № 7.
7. Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII – XV вв. Под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. 442 с.
8. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV – XV вв. Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.
9. Русской Правды (краткая редакция) // Полное собрание русских летописей. Т. III. – Спб., 1888. С. 88
10. Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напиерским / Изданы Археографическою Комиссиею. Спб: Тип. Императорской Академии наук, 1868. XXIII, 462 с.

Mikhailova N.V., Mikhailov F.N. Some aspects of the formation of the interaction of subjects of public and private law in medieval Russia XII-XV centuries

This article provides a critical analysis of the interaction of subjects of private and public law in medieval Russia of the XII-XV centuries. And also the legislation defining the legal status of the subjects of private and public law of the above period is presented and systematized. The article provides an original periodization of the development of the legal status of subjects of private and public law in medieval Russia of the XII-XV centuries.

Keywords: subjects of law, public law, private law, the system of legislation, letters, legal instruments, monuments of Russian medieval law.

УДК 343.31

А.И. Суворов

**Исторический опыт профилактики государственных преступлений
в дореволюционной России**

Аннотация:

Активизация террористической деятельности и противостояние ей заставляет человечество все чаще обращаться к историческому опыту сдерживания и пресечения этого вида тяжелейшей государственной преступности. В связи с этим значительный интерес представляет опыт дореволюционной России.

Ключевые слова: политический терроризм, государственная преступность, истоки правового нигилизма, национальный сепаратизм, воинствующий фундаментализм.

Об авторе: Суворов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: cuvor@rambler.ru

В обстановке нарастания террористической обстановки человечество все чаще возвращается к историческому опыту сдерживания и пресечения этого вида тяжелейшей государственной преступности. В связи с этим значительный интерес представляет опыт дореволюционной России. Как известно, терроризм в российской истории представлял довольно заметное явление, особенно в конце XIX начале XX веков. Жертвами его были тысячи невинных граждан, многие крупные государственные и общественные деятели, в том числе император Александр II, глава правительства П.А. Столыпин, министры Н.П. Боголепов, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, десятки губернаторов и градоначальников, большое число сотрудников правоохранительных органов различного ранга.

В комплексе правительственных мер по обузданию терроризма важная роль отводилась разработке правовых норм его уголовного преследования, которые развивались и совершенствовались по мере нарастания опасности для государства и общества.

Правовые акты дореволюционной России не содержали понятия терроризма как обособленного вида преступления, а его основные проявления включались в некоторые общие статьи об уголовных преступлениях. Исходным моментом при этом была квалификация этих проявлений как наиболее опасной формы посягательств на государственную и общественную безопасность.

В монархических формах правления ввиду особой роли монарха на первое место среди государственных преступлений террористического характера ставились преступления против личности императора и его семьи. В Уголовном уложении 1845 г., которое регулировало правовые нормы до середины 80-х годов XIX в., содержалось восемь статей (263-270) о преследовании за посягательство на жизнь, здоровье, честь императора и членов императорского дома.

Наиболее тяжкими преступлениями квалифицировались в Уложении также бунты, заговоры, восстания в целях ниспровержения порядка правления, вооруженное сопротивление действиям властей, убийство должностных лиц.

Впервые в российском законодательстве появилось семь статей (ст. 347-353) о строгом преследовании тайных обществ, «имеющих вредную для спокойствия или целостности государства, или противную установленными законами образу и порядку правления цель». Новым государственным преступлением признано изготовление или хранение в большом количестве оружия в целях, противных государственной безопасности [14]. Все эти законодательные нововведения имели прямое отношение к уголовному преследованию посягательств террористического характера.

После покушения Д. Каракозова на императора Александра II (апрель 1866 г.) по рекомендации особой комиссии, возглавляемой главой кабинета министров П.П. Гагариным был обнародован императорский рескрипт (май 1866 г.), в котором было рекомендовано изменить университетский устав в направлении ужесточения мер контроля за студенчеством, повысить цензурные требования к публикуемым материалам; расширить репрессивные права губернаторов и др. Указом императора от 27 марта 1867 г. были запрещены все тайные общества, с какой бы целью они ни были учреждены [16].

Главными субъектами в борьбе за предупреждение и пресечение государственных преступлений после бунта декабристов были определены III Отделение Императорской канцелярии, Корпус жандармов, а на местах – жандармские подразделения. Согласно указаниям императора Николая I и «Положению о Корпусе жандармов» 1876 г. их функции в первоначальный период в основном ограничивались наблюдательной

деятельностью, призванной своевременно выявлять и предупреждать любые проявления государственной преступности в самом зачаточном состоянии [1]. Такое ограничение деятельности жандармерии (она еще именовалась политической или тайной полицией) объяснялось сравнительно спокойной политической обстановкой в стране. Начальник штаба Корпуса жандармов генерал Л. Дубельт в донесении императору за 1832 год отмечал: «Высшее наблюдение, обращая бдительное внимание на общее расположение умов во всех частях империи, может удостоверить, что на целом пространстве государства российского расположение всех сословий в отношении к высшему правительству вообще удовлетворительное» [5].

Рост оппозиционного движения с 60-х годов, раскрытие ряда преступных сообществ, первые покушения на императора потребовали расширения охранительных функций жандармских подразделений. Это нашло отражение в новом Положении о Корпусе жандармов (1867 г.) и особенно в законе от 19 мая 1871 г. «О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений», по которому сотрудники жандармерии получили право в открытом порядке расследовать государственные преступления на правах судебных следователей [7]. Правительственный циркуляр 1872 г. «О средствах к охранению внутренней безопасности государства» нацеливал службу центральной полиции на преимущественное проведение профилактических мер в отношении наиболее опасных проявлений государственной преступности [6].

Значительное ужесточение карательных мер против терроризма произошло после убийства (август 1878 г.) шефа жандармов генерала Н.В. Мезенцова. До этого наиболее тяжкие государственные преступления, в том числе и террористического характера, рассматривались преимущественно в судебных палатах, в Особом присутствии Сената, в редких случаях – в Верховном уголовном суде. По указу императора от 9 августа 1878 г. в целях эффективной и ускоренной репрессии рекомендовано часть из этих преступлений передавать на рассмотрение военных судов. В указе говорилось, что «лиц, обвиняемых в вооруженном сопротивлении властям, от правительства установленным, или нападении на чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы, или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождалась убийством, нанесением ран, увечий, тяжких побоев, или поджогом, предавать военному суду для осуждения их по законам военного времени» [10].

«Высочайше утвержденные Правила от 1 сентября 1878 года» предоставляли жандармам право арестовывать «политически неблагонадежных» лиц без санкций прокурора и административных властей. Начальник III Отделения и министр внутренних дел получили широкие права по согласованию с министром юстиции отправлять арестованных в административную ссылку, если на то имелись «достаточные основания» и если не было убедительных улик для их судебного преследования [3].

Изданные в конце 70-х годов нормативные акты, вызванные нарастанием угрозы со стороны терроризма, означали довольно широкое введение в практику чрезвычайного законодательства в целях надежной охраны государственной и общественной безопасности. Это сопровождалось временной приостановкой действия некоторых ранее изданных законоположений, расширением прав и функций административных органов, усилением карательных мер, некоторым стеснением и ограничением прав и свобод граждан.

Вынужденное введение исключительного регулирования общественных отношений не было, как утверждали оппозиционеры и советологи, проявлением какого-то произвола и злоупотребления властью, якобы присущих российской правящей олигархии. Исторический опыт свидетельствует, что к этому прибегали нередко правительства и других, даже самых демократичных, государств. Известный немецкий правовед профессор Е. Ленинг писал: «Когда существованию государства или его спокойствию грозит что-либо, спасение государства от угрожающей опасности составляет важнейшую задачу государства. Для того чтобы быть в состоянии выполнить эту задачу, органы государства должны быть облечены обширными полномочиями. Ограничения, которые ставят им законы об охране личной свободы, должны быть временно приостановлены» [21]. В таком же плане обосновывали правовую целесообразность чрезвычайного законодательства и видные дореволюционные российские правоведы, например Н.М. Коркунов [15].

После покушения на Александра II, совершенного в апреле 1879 г. А. Соловьевым, по императорскому указу от 5 апреля 1879 г. центральная часть империи временно была разделена на 6 крупных административных единиц - генерал-губернаторств, охватывающих половину губерний европейской России. Возглавившие их генерал-губернаторы были наделены дополнительными правами и полномочиями: смещать и назначать должностных лиц, предавать за крупные преступления военному суду, выносить решения об аресте, административной высылке, приостанавливать и запрещать

передвижения, право «вообще применять те меры, которые по местным обстоятельствам они признают необходимыми для сохранения спокойствия во вверенном ему крае» [9].

Дальнейшим развитием чрезвычайных мер в связи с нарастанием политического терроризма явилось учреждение после теракта в Зимнем дворце (февраль 1880 г.) Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия во главе с графом М.Т. Лорис-Меликовым и наделение ее исключительными полномочиями: «Делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые признает необходимыми для охранения порядка и общественного спокойствия в Санкт-Петербурге, так и других местностях империи». В указе особо подчеркивалась ее задача: «положить предел беспрерывно повторяющимся покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок» [8].

Преследование государственной преступности на основе чрезвычайных мер еще более усилилось после убийства императора Александра II. Изданное 14 августа 1881 г. «Положение о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия» предусматривало введение в местностях с особо угрожающим нарастанием государственной преступности исключительного положения, которое могло быть установлено в двух формах (состояниях) – усиленной охраны или чрезвычайной охраны. В этих местностях существенно расширялись права генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников, руководителей полиции и жандармерии. Губернаторы и градоначальники получили право воспрещать всякие общественные собрания, воспрещать отдельным личностям пребывание в этих местностях, приостанавливать периодические издания, учреждать по мере необходимости особые военно-полицейские команды. Согласно Положению внесены дополнения и уточнения в процедуру административной высылки (на срок от одного года до пяти лет) правонарушителей. Для разрешения этих вопросов при Министерстве внутренних дел учреждалось Особое совещание. Постановление совещания должно представляться на утверждение министра внутренних дел.

В целях усиления профилактики опасных государственных преступлений 1 марта 1882 г. было издано Положение «О негласном полицейском надзоре», в котором отмечается, что негласное (секретное) наблюдение должно устанавливаться сроком до двух лет за лицами сомнительной благонадежности» для проверки полученных сведений об их противоправной деятельности, их связей, а также для обнаружения разыскиваемых

лиц, которые могли войти с ними в сношение. Особое внимание при этом должно быть обращено на студентов, исключенных из учебных заведений, на лиц, возвращенных из административной ссылки, и отбывших тюремное заключение за совершение государственных преступлений.

В связи с участвовавшим применением в терактах различного рода взрывных устройств правительство издало ряд указов о дополнительных мерах по ужесточению порядка хранения, использования и транспортировки взрывчатых веществ и компонентов для их изготовления. Такие меры были предусмотрены в Положении относительно приготовления и продажи азотной кислоты, (август 1882 г.), о частных складах взрывчатых веществ (июнь 1882 г.). Торговля азотной кислотой, а также порядок ее реализации ставились под надлежащий контроль местной полицейской власти. В 1883 г. были введены более строгие правила транспортировки взрывчатых веществ через границу.

В 1885 г. вступило в действие новое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Статьи, в той или иной мере касающиеся преступлений террористического характера (241-243 и 249), в основном перешли из прежнего Уложения. В них вновь особо подчеркивалась строгая уголовная ответственность за покушение на императора и членов его семьи, за бунт, заговор в целях изменения существующего строя, вооруженное сопротивление действиям государственных органов, покушение на должностных лиц. В новом Уложении покушения подразделялись на законченные и незаконченные, и наказания в связи с этим были поставлены в зависимость от стадии покушения. Были дифференцированы и виды соучастия в преступлении (скоп, сговор, сообщество). Статья 242 Уложения квалифицировала в качестве тяжкого государственного преступления не только уже совершившееся действие, но и различные виды приготовления к нему.

Более успешному розыску и профилактике различного рода преступников способствовало принятое в июле 1894 г. новое Положение о видах на жительство, в котором предусматривалось ограничение выдачи паспортов лицам, состоящим под полицейским надзором, а также ссылаемым на поселение. В видах на жительство ранее судимым должна была делаться отметка о существовании судебного приговора, запрете проживания или пребывания в столичных, губернских городах и некоторых других местностях [12].

К концу XIX – началу XX веков на основе накопленного отечественного и освоения передового зарубежного опыта был в нормативно-правовом плане более четко отлажен механизм сыскной деятельности, касающийся опасных проявлений государственной преступности, в том числе и террористического характера. В законодательных актах, а также в директивных документах Министерства внутренних дел, Департамента полиции, согласованных с императором, были определены система взаимодействия главных субъектов антитеррора, основные приемы и методы сыскной и дознавательной деятельности.

В связи с повсеместным учреждением к началу XX века при полицейских управлениях охранных отделений в ряде изданных документов определялись их функции, разграничивались сферы их компетенции с жандармскими управлениями. Охранные отделения призваны были осуществлять в основном оперативно-розыскную деятельность по политическим преступлениям, а жандармские подразделения - главным образом производить дознания по ним и передавать дела в судебно-следственные органы. Начальник охранных отделений наделялся существенными правами и полномочиями. Без его согласия, например, жандармы не имели права производить обыски и аресты. Губернские жандармские управления обязаны были допускать начальников охранных отделений ко всей секретной информации, касающейся политической преступности [2].

Среди основных методов сыскной деятельности по терроризму до конца 70-х годов преобладало наружное (филерское) наблюдение. В дальнейшем эта служба хотя и уступила свое приоритетное положение в политическом сыске другим средствам, но не утратила своего важнейшего значения. В нормативных документах предписывалось, чтобы путем тайного наружного наблюдения собрать как можно больше фактов из подлинной жизни объекта наблюдения, изучить его связи, проследить явки, выявить конспиративные квартиры, типографии, склады оружия и взрывчатки. Особо важно было найти улики, могущие служить основанием не только для ареста, но и для дальнейшего ведения следствия и вынесения судебных решений.

С расширением масштабов террористической преступности, с появлением высокоорганизованных, тщательно законспирированных террористических сообществ главным средством политического сыска стало использование внутренней (секретной) агентуры. В документах Департамента полиции подчеркивалось, что «внутренняя агентура – единственно надежное средство, обеспечивающее осведомленность» При этом

определялись основные принципы вербовки, использования агентуры, меры охранения от «засвечивания» и др. [4].

Много критических стрел пускалось в адрес дореволюционных правоохранительных органов по поводу якобы не легитимного использования в сыскной деятельности перлюстрации корреспонденции. Однако это средство широко использовалось, по сути, во всех цивилизованных странах, допускалось Судебными уставами России, было закреплено в секретном указе (1891 г.) императора Александра III [19].

В начале XX века в уголовном преследовании терроризма так и других видах преступности произошли некоторые изменения, связанные с ведением в действие нового Уголовного уложения 1903 года. Наряду с сохранением перечня тяжелейших государственных преступлений в нем усилена ответственность за преступления связанные с использованием огнестрельного оружия и взрывных устройств, за участие в сообществах, имеющих целью ниспровержение существующего строя, за пропаганду противозаконных действий [11].

Наряду с определенными достижениями новое Уложение имело и существенные недостатки (известный академизм, отрыв от реальной действительности, отпечаток либерализма), которые отмечали известные правоведы сразу же после его высочайшего утверждения [17].

В аспекте антитеррористической борьбы нельзя не отметить значительное послабление в определении наказаний за опасные посягательства террористической направленности. Так, виновный в убийстве должностного лица при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей наказывался по старому Уложению смертной казнью, теперь каторжными работами. За участие в сообществе, поставившем целью ниспровержение существующего строя или учинение тяжкого преступления посредством взрывных устройств, наказывалось по новому Уложению каторгой не свыше 8 лет. Виновные в изготовлении или приобретении взрывных устройств для учинения тяжкого преступления подлежали наказанию в исправительном доме до 3 лет. Видимо, такое послабление терроризму следует рассматривать как серьезную уступку законодателей давлению либеральной оппозиции. А это вместе с последовавшим в дальнейшем Манифестом 17 октября 1905 г. заметно подтолкнуло развитие крайнего

радикализма и экстремизма, вылившимися в разгул кровавого террора и разбоя первой российской революции, поставив под угрозу весь государственный строй России.

К середине 1906 г. из 87 губерний и областей страны 82 находились на исключительном положении, где действовали временные законоположения, в том числе об усиленной и чрезвычайной охране. Все чаще приходилось прибегать к использованию армейских подразделений в восстановлении правопорядка. В феврале 1906 г. императором подписаны «Правила о призыве войск для содействия гражданским властям», в котором губернаторам, градоначальникам предписано при недостатке полицейских сил вызывать военные части для прекращения угрожающих общественной безопасности действий», для задержания опасных преступников «при их многочисленном или ожидаемом вооруженном сопротивлении», для присутствия при исполнении судебных приговоров» и в ряде других случаях [18].

Возглавив в 1906 г. сначала Министерство внутренних дел, а потом и правительство, П.А. Столыпин в числе приоритетных проблем обозначил борьбу с революционным терроризмом, доказывал его наибольшую опасность для государства и общества. Он добивался принятия в Думе специального закона с его осуждением, обосновывал необходимость применения исключительных мер. По инициативе Столыпина была значительно расширена сфера функционирования чрезвычайного законодательства. Закон от 19 августа 1906 г. не только повышал ответственность за террористическую деятельность, но и учреждал военно-полевые суды для рассмотрения наиболее тяжких государственных преступлений, особенно связанных с террором. В законе было сказано, что «обыкновенное судебное разбирательство не вполне приспособлено к обстоятельствам настоящего времени и не дает возможности достаточно быстрой репрессии за преступления, выходящие из ряда обыкновенных». Ведению этих судов подлежали дела, связанные с умышленным убийством, разбоем, вооруженным сопротивлением властям, нападением на должностных лиц, изготовлением и хранением оружия, взрывчатых веществ. Сюда преимущественно направлялись лица, «преступные деяния» которых «являются настолько очевидными, что нет надобности в их расследовании» [13].

Введение строгих чрезвычайных мер вызвало мощную волну критики со стороны либеральной оппозиции. Отвечая на нее, Столыпин на заседании Государственной думы (март 1907 г.) заявил: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права, и когда надлежит выбирать между

целостностью теорий и целостностью Отечества. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно» [20]. Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило обоснованность принимаемых мер.

При некоторых недостатках и относительной слабости нормативная база, развиваясь в соответствии со складывающейся криминогенной обстановкой, в целом обеспечивала достаточное правовое поле для успешного преследования террористической преступности и вместе с совершенствованием мер оперативно розыскного и судебно следственного характера позволила пресечь разгул как народовольческого, так и эсеро-анархистского террора в наиболее сложный и ответственный период отечественной истории.

Библиографический список:

1. Вестник Европы. 1917..№3. С.90-91; ПСЗ. 2-е собр. Т. 2. № 9355.
2. ГАРФ. Ф.102. Оп.260. Д.259. Л.9об; 12об.
3. ГАРФ. Ф.569. Оп.1. Д.86. Л.3-4.
4. ГАРФ.Ф.102. Оп.260. Д17. Л.187.
5. Красный архив. 1931. Т.2 (46). С.146.
6. О средствах к охранению внутренней безопасности государства. М., 1872. С.1-2.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее ПСЗ). 2-е собр. Т.46. СПб., 1874. С.591-594.
8. ПСЗ. 2-е собр. Т. 54 (2). №60492.
9. ПСЗ. 2-е собр. Т. 54. Отд.1. №59476.
10. ПСЗ. 2-е собр. Т.53. Отд.2. №58778.
11. ПСЗ. 3-е собр. Т. 23. №22704.
12. ПСЗ. 3-е собр. Т.14. №10709.
13. ПСЗ. 3-е собр. Т.26. Отд.1. №28252.
14. Российское законодательство X-XX вв. Т.6.М.1988.С. С.232-235, 241-242. 260-261, 349.
15. Российское полицейское (административное право). Конец XIX – начало XX века. Хрестоматия. Воронеж, 1999. С. 283.
16. Сборник установлений и распоряжений, касающихся полиции. Спб., 1869. С.19.

17. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пг.,1915. С.30.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. СПб., 1906. №34. С. 188.
19. Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 59-60.
20. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М., 1992. С.74.
21. Lening E. Lehrbuch des deutschen Verwaltungswesens. Lpzg.1884. S.290.

Suvorov A.I. **Historical experience of prophylaxis of state crimes in pre-revolution Russia**

Activation of terrorist activity and opposition compel humanity her all more often to call to historical experience of inhibition and suppression of this type of the heaviest state criminality. In this connection considerable interest presents experience of pre-revolution Russia.

Keywords: political terrorism, state criminality, sources of legal nihilizm, national separatism, militant fundamentalism.

УДК 340

А.Б. Краснов

Некоторые особенности государственно-правового регулирования концессий в период подготовки и реализации НЭП

Аннотация:

Данная статья представляет собой краткий анализ причин и условий, в которых оказалось Советское государство по окончании Гражданской войны, а также характеристику правового инструментария, который использовал отечественный законодатель для регламентации процесса предоставления первых концессий в рамках реализации стратегии НЭП. Обозначены ключевые события, оказавшие решающее влияние на начальном этапе развития концессионной политики и практики в РСФСР.

Ключевые слова: НЭП, концессия, ГОЭЛРО, Госплан, Большое Северное Телеграфное Общество, Арманд Хаммер.

Об авторе: Краснов Алексей Борисович, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: sb_ak@mail.ru

Фактическое свертывание товарно-денежных отношений, а также предельная централизация процессов управления национализированной экономикой в рамках проводимой Советским правительством политики «военного коммунизма» в совокупности с последствиями продолжающейся Гражданской войны и иностранной интервенции к 1921 г. дали крайне негативный синергичный эффект в социальной и экономической сфере. Резкий слом сложившегося хозяйственного уклада страны показал невозможность одномоментного построения новой системы экономических отношений, в то время как потребность в восстановлении работоспособности целых секторов промышленности стала ощущаться все более остро.

Понимание сложности самостоятельного выполнения поставленных задач по восстановлению экономики при одновременно поступающих предложениях об организации новых производств от представителей крупных зарубежных финансово-

промышленных групп отразилось и в решениях X съезда РКП(б), давшего старт Новой экономической политике. Так, резолюцией № 5 от 15 марта 1921 г. было зафиксировано, что провалившиеся попытки интервенции и конкуренция между крупными державами за возможность использовать природные ресурсы, которыми располагает Советское государство, ставят задачу привлечения иностранного капитала в форме концессий для развития производительных сил внутри страны [6, с. 567-568].

Следует также особо отметить, что незадолго до X съезда РКП(б), а именно 22-29 декабря 1920 г. прошел VIII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, на котором Г.М. Кржижановским был представлен план государственной электрификации РСФСР [1, с. 61-87], разработанный специально созданной государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО). Указанный план, помимо технических характеристик предполагавшихся к строительству объектов электроэнергетики, давал также общие порайонные характеристики промышленных производств, которые являлись или могли бы являться крупнейшими энергопотребителями. Безусловно, планируемые к передаче в концессию иностранному капиталу промышленные объекты и территории добычи полезных ископаемых также были в общем виде описаны ГОЭЛРО.

Кроме того, по общим подсчетам реализация плана электрификации России должна была обойтись государству в сумму около 17 млрд золотых рублей, из которых СНК РСФСР планировал выделить из бюджета 11 млрд. Оставшиеся 6 млрд рублей планировалось покрыть из внебюджетных источников путем получения заграничных кредитов и предоставления по ним концессий [5, с. 173].

В связи с этим многие из поступающих в адрес правительства РСФСР концессионных предложений впоследствии рассматривались Государственной общеплановой комиссией при Совете Труда и Обороне РСФСР (Госплан), созданной на основе комиссии ГОЭЛРО. Рассмотрением таких предложений занималась специально созданная подкомиссия по делам внешней торговли и концессий [7, с. 38]. При этом, несмотря на имевшиеся и нормативно закрепленные общие юридические и экономические условия предоставления концессий в РСФСР, утвердивший их декрет не снимал с повестки дня дискуссионных вопросов, описанных ранее в выступлениях В.И. Ленина, а также упомянутых в Тезисах концессионной комиссии при СНК РСФСР от июня 1918 г. [8, л. 1].

С другой стороны, вопросы, возникшие в ходе работы СНК РСФСР по организации концессионной деятельности в отдельно взятой отрасли экономики, побудили руководство страны выработать и утвердить основные принципы концессионных договоров с потенциальными инвесторами, дополнявшие и развивавшие положения Декрета от 23.11.1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий».

Данные принципы, как и многие другие документы начального периода регламентации концессионного дела на территории РСФСР не были официально опубликованы, однако довольно успешно использовались органами государственной власти при проведении концессионных переговоров и выдаче концессий. Соответствующее постановление СНК РСФСР предусматривало требования по: 1) улучшению условий рабочих, занятых на концессионном предприятии, до уровня международных стандартов с учетом мероприятий по повышению производительности труда; 2) материальному снабжению рабочих импортным вещевым довольствием или такому же снабжению по заказу Правительства РСФСР для собственных нужд; 3) соблюдению норм и правил, установленных законодательством РСФСР и т.д. [3, с. 497-498].

К середине 1921 г. работа по организации концессионного дела на территории РСФСР, проводившаяся Советским правительством в рамках международных отношений, а также создания системы специализированных государственных органов, принесла свои плоды. 21 июля 1921 г. была выдана первая в советской истории концессия, объектом которой стала эксплуатация на период до 31 декабря 1946 г. [4, с. 194] подводных телеграфных линий между Россией, с одной стороны, и Данией, Японией и Китаем, с другой, а также телеграфной линии между Швецией и Финляндией. В полном соответствии с требованиями советского концессионного законодательства [3, с. 497], Обществу было предоставлено не только право осуществления собственно концессионной деятельности, но также и право беспошлинного ввоза из-за границы и распространения между своими служащими потребительских и продовольственных товаров, правда, с оговоркой о возможном контроле такого распространения со стороны Правительства РСФСР [4, с. 193].

К концу 1921 г. Советскому правительству удалось заключить еще один концессионный договор, ставший знаковым во всех отношениях. Для большего понимания социально-экономической обстановки в РСФСР начала 20-х гг. XX в. следует сделать небольшое отступление. Еще летом 1921 г. по приглашению своего знакомого

Л.К. Мартенса, бывшего представителем НКВТ РСФСР в Соединенных Штатах Америки, Республику Советов посетил молодой предприниматель Арманд Хаммер. В своих воспоминаниях о России той поры будущий концессионер высказывался следующим образом: «...Повсюду было одно и то же – бездействующие заводы, фабрики и рудники с голодными, отчаявшимися рабочими. Даже если бы можно было пустить их в работу, из-за разрухи в стране не было рынка для их продукции. Во многих местах я видел значительные запасы ценностей: платины и минералов, уральских изумрудов и полудрагоценных камней, а в Екатеринбурге – забытые мехами склады» [9, с. 50].

Предложение американского инвестора по разрешению сложившейся ситуации заключалось в организации продаж указанных материальных ценностей через его фирму в США в обмен на поставки зерна. А. Хаммер вспоминал: «Мне сказали, что для того, чтобы население Урала продержалось до следующего урожая, потребуется по крайней мере миллион бушелей пшеницы. В Соединенных Штатах в тот год был небывалый урожай, и зерно продавалось по доллару за бушель. Когда цена упала ниже доллара, фермеры предпочитали сжигать его, чем везти на рынок. [...]. Тогда я послал длинную телеграмму брату Гарри и президенту нашей фирмы «Эллайд драг энд кемикл» Альфреду Ван Хорну с объяснением условий сделки и с просьбой зафрахтовать первые свободные суда, нагрузить их зерном и отправить в Петроград» [9, с. 51].

Помимо получения выручки от внешнеторговых операций в размере 10 % от продажи РСФСР заказанного зерна и аналогичных сделок по реализации переданного в его распоряжение имущества [4, с. 442], А. Хаммер получил также возможность непосредственного общения с руководителем Республики Советов, в ходе которого последний предложил ему реализовать первую американскую концессию в РСФСР. Действовавшее к тому моменту концессионное законодательство Советской республики предусматривало возможность получения концессии в качестве обеспечительной меры в обмен на внешнеторговые операции, аналогичные той, которую провел А. Хаммер, доставляя зерно на Урал.

Заключенный 2 ноября 1921 г. между РСФСР и компанией Арманда Хаммера концессионный договор имел ряд особенностей. Так, например, в полном соответствии с положениями «Тезисов о концессиях», утвержденных СНК РСФСР 25 марта 1920 г., устанавливавших полномочия по утверждению концессий в качестве исключительной компетенции СНК РСФСР [2, с. 600], данный договор от имени правительства Советской республики был подписан председателем ВСНХ П.А. Богдановым, а также заместителем

НКВД РСФСР М.М. Литвиновым. По указанному договору правительство обязывалось передать концессионеру для эксплуатации все асбестовые рудники Алапаевского района Екатеринбургской губернии с возведенными на них шахтами, установленным оборудованием и иным имуществом на срок до двадцати лет с правом досрочного выкупа объекта концессии спустя пять лет [4, с. 465-466, 469-470].

В обмен на предоставленные исключительные права, концессионер обязывался: 1) производить отчисления долей натурального продукта в размере 10 % от выработанного асбеста; 2) производить по требованию правительства РСФСР отчисления за пользование концессией в денежном эквиваленте в ценах лондонского рынка за вычетом стоимости фрахтования транспорта от рудников до Лондона; 3) вырабатывать продукцию с учетом прогрессирующего минимума добычи, установленного договором, а также применяя новейшие технологии добычи в отрасли полученной концессии; 4) снабжать концессионное производство оборудованием, а занятых на нем сотрудников и рабочих – продовольствием и снаряжением, необходимым для осуществления трудовой деятельности; 5) нести эксплуатационные издержки, связанные с текущим и капитальным ремонтом производственных зданий и оборудования, а также издержки, связанные с транспортировкой продукции за рубеж, оплачивая Правительству железнодорожные перевозки. Кроме того, концессионер получал преимущественное право получения других асбестовых концессий на территории РСФСР перед иными предпринимателями, обратившимися к правительству с аналогичными предложениями [4, с. 465-466, 469-470]. Реализация этих правовых положений на практике привела к тому, что компания, как позднее отмечал известный американский экономист Э. Саттон: «...построила 4800 футов шахтных проходов и отремонтировала шахты, рабочие казармы, дома и школы. В течение года уже было отправлено 1200 пудов высококачественного материала, 20 000 пудов руды были готовы к отправке, а 1100 рабочих были заняты в течение летнего сезона добычи» [10, с. 109].

Анализируя порядок и особенности предоставления правительством РСФСР первых концессий, представляется возможным сделать следующие выводы. В период становления концессионного дела в Советской России, высшее государственное руководство стремилось регулировать данные отношения, используя как традиционные методы, выработанные концессионной практикой Российской империи и Временного правительства, так и подходы, являвшиеся, по сути, новацией в государственном регулировании концессионных отношений.

К традиционным методам регулирования данных отношений, преемственность в использовании которых прослеживается в политике СНК РСФСР следует отнести: 1) практику предоставления концессий в сфере деятельности отраслей «естественных монополий», привлекательность которой для предпринимателя объясняется значительными денежными оборотами на счетах концессионного предприятия за счет осуществления широкой операционной деятельности, а для государства – социальной направленностью концессии; 2) запрет на предоставление аналогичных концессий с целью исключения «вредного совместительства»; 3) условие о прогрессирующем минимуме добычи в случае предоставления концессии в горнодобывающей отрасли; 4) условие о предоставлении концессий исключительно высшими органами государственной власти.

Новациями, примененными руководством РСФСР в рамках организации концессионного дела, стали условия: 1) об использовании концессионером наиболее современных методов и технологий при производстве продукции; 2) об организации концессионером имущественного и продовольственного снабжения концессионного предприятия и занятого на нем персонала; 3) об улучшении условий занятости работников концессионного предприятия среднемирового минимума и т.д.; 4) о предоставлении концессий на достаточно короткий период на действующие предприятия.

Необходимо отметить, что внедрение указанных требований к соискателям концессий во многом было обусловлено социально-экономической обстановкой в РСФСР в начале 1920-х гг. XX в., поскольку последствия Гражданской войны, проведения политики «военного коммунизма» и внешнеэкономической блокады со стороны Запада выражались в разрыве кооперативных цепочек, снижении потребительской активности населения, технологическом отставании промышленности и т.д. Применение подобных правовых инструментов в рамках концессионных отношений в Российской империи было нецелесообразно в силу развитости рыночной конкуренции и наличия устойчивых рынков сбыта выпускаемой концессионными предприятиями продукции.

Библиографический список:

1. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет (22-29 декабря 1920 г.). М.: Госиздат, 1921.

2. Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Политиздат, 1975.
3. Декреты Советской власти. Т. XIII. 1 февраля – 31 марта 1921 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Политиздат, 1989.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 4. 19 марта 1921 – 31 декабря 1921 г. М.: Госполитиздат, 1960.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений (5 издание). Т. 42 (ноябрь 1920 – март 1921). М.: Политиздат, 1970.
6. Протоколы X съезда РКП(б) 8-16 марта 1921 г. – М: Партиздат, 1933.
7. Протоколы Президиума Госплана за 1921-1922 годы. М.: Экономика, 1979. Т. 1. 1921.
8. РГАЭ. Ф. 413. Министерство внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 58. Тезисы концессионной комиссии СНК об условиях привлечения иностранного капитала в Россию. Проект концессионного договора на эксплуатацию рек Восточной Сибири.
9. Хаммер А. Мой век – двадцатый. Пути и встречи. М.: Прогресс. 1988.
10. Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford (California, USA): Stanford University, 1970.

Krasnov A.B. Some features of state-legal regulation of concessions during the preparation and implementation of the NEP

This article is a brief analysis of the causes and conditions in which the Soviet state found itself after the end of the Civil war, as well as a description of the legal tools that the domestic legislator used to regulate the process of granting the first concessions as part of the implementation of the NEP strategy. Key events that have had a decisive influence on the initial stage of development of concession policies and practices in the RSFSR.

Key words: NEP, concession, GOELRO, Gosplan, Great Northern Telegraph Society, Armand Hammer.